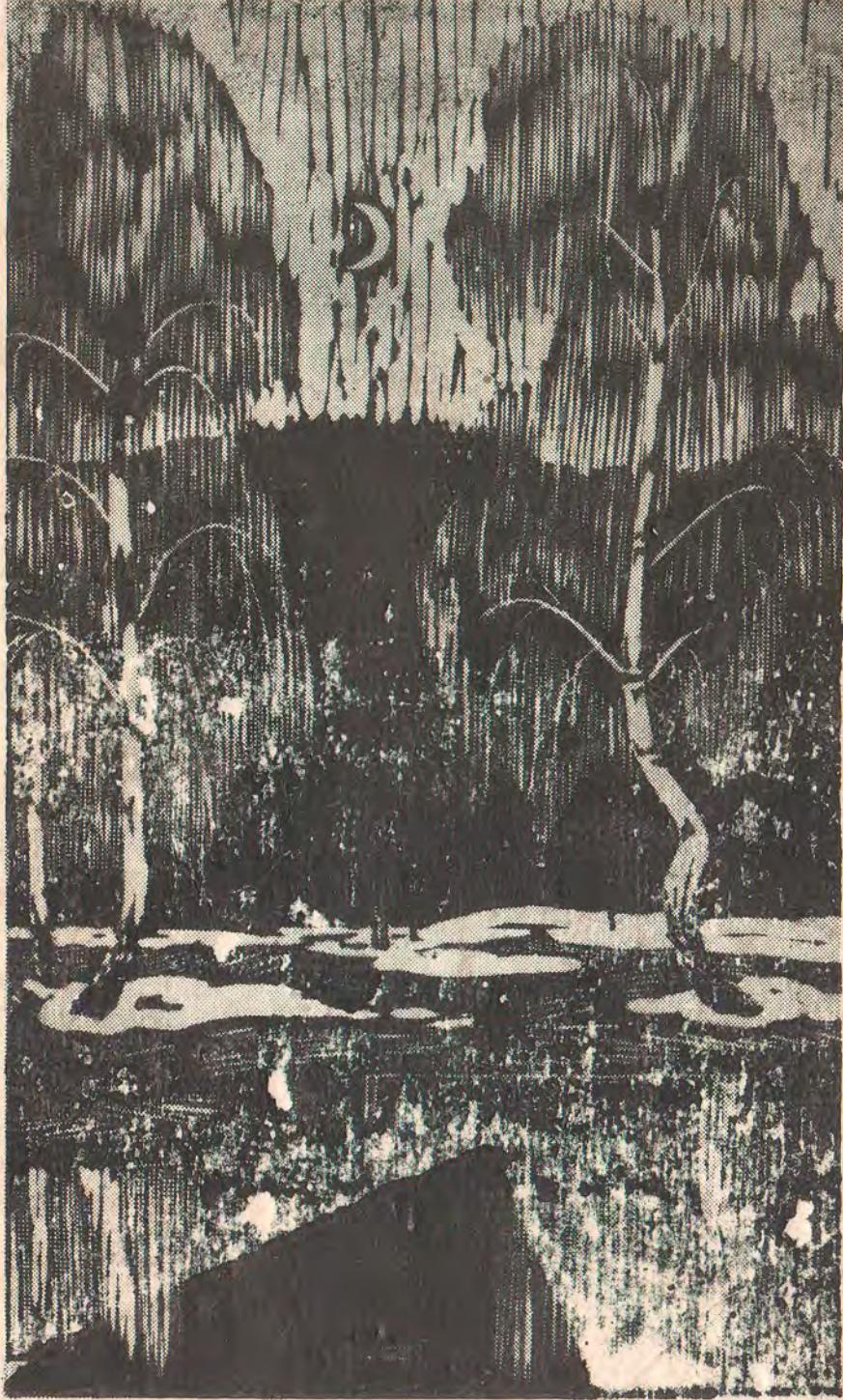
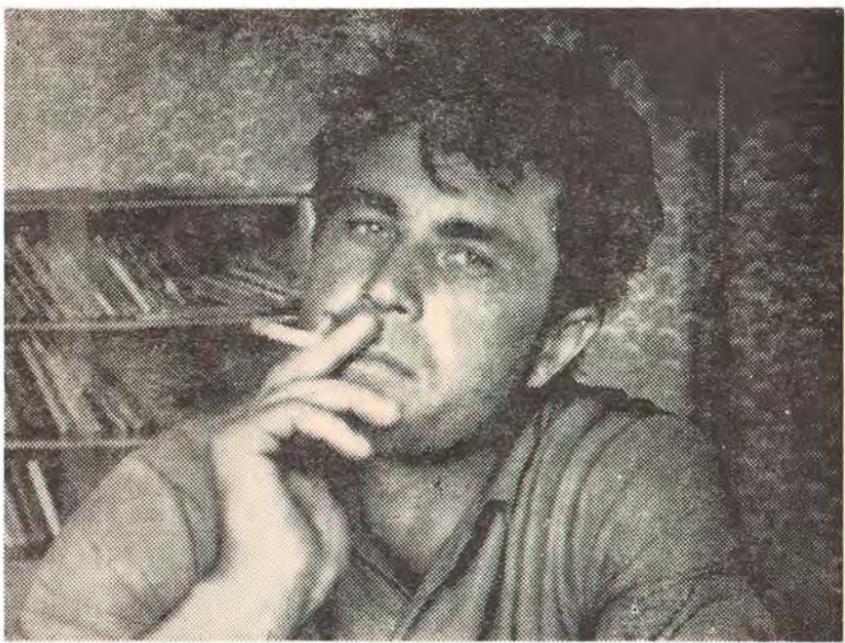

ГОРЬКИЙ ВЕТЕР

Юрий Поляков

Юрий Поляков

ГОРЬКИЙ ВЕТЕР

СТИХИ
И
ПОЭМЫ

п. Тимирязево
Северо-Казахстанской области
1991 год.

Молитва за ночным столом

Полюшко-исле
Чистого листа,
Небо и воля
И ни куста.

Ни одной приметы,
Ни дорог, ни троп.
Мужество, где ты?
В сердце стороп.

Полюшко-плаха
Белого листа,
Прорвали сквозь страх
Ради Христа.

Прорвали сквозь гуды
И поземки лай,
Уласи от блуда,
Выведи на край.

Укажи дорогу,
Отпугни смерть—
Мне еще так много
Надо спеть!

■
По стихотворения лирические читают
также любители поэзии. А много ли их?
А. С. ПУШКИН.

Ах, критик сутулый,
на круге наездном
на стих мой натачивать
нужно ль копье?
Я знаю, не часто
дружу я с удачей,
но небо свидетель:
как можем — поем.
Я знаю и кроме,
всей верю судьбою,
что где-то в селенье
далеком глухом
живет человек —
всей душою со мною,
мой стих к нему входит,
как в собственный дом.
Мне больше не надо,
довольно и друга,
чтоб сердце гремело
в груди соловьем.
А ты продолжай,
ты сутулься над кругом —
не страшно теперь
никакое копье!

Сестре Валентине.

Ты знаешь что, пришли антоновки
Попозже, где-то к ноябрю.
Я над посылками картонными
Священодействовать люблю.
Они — простое дело вроде бы,
Но для других, но для других...
О как же веет дальней родиной,
Когда я открываю их!
Я вижу вдруг наш дом бревенчатый,
Зари вечерней благодать,
Все теми же думами увенчанну,
Идущую с покоса мать.
Я вижу лиц родимых абрисы,
Родные слышу голоса.
Ушли они, считай, без адреса
И след их вымыла роса;
Ушли простые и веселые

В пределы горестной земли,
Приюты их снега вишневые
В который раз уж замели.
Ах, Валя, Валя, птица вещая,
Такая ж русая, как мать,
Лишь нам с тобой теперь завещано
В закатном золоте летать.
Пари, блаженствуя и не жалуйся,
Вовек угрюмости не знай
И мне антоновки, пожалуйста,
Прислать порой не забывай.

Веселый случай

Как-то раз июньским днем,
От забот укрывшись в травах,
Я сказал себе: «Начнем,
Раз отравлены отравой
Поэтической вконец».
И, бумаги взяв листочек,
Как лирический певец,
Вывел вязь интимных строчек.
Рифмовалось так легко!
Вдруг с травинок, незамечен,
На листок изящно скок
Луноглазенький кузнецик.
Он растерянно глядел,
Шевелил усы-антенны:
Мать родная, где я, где?
По обвыкся постепенно.
И пошел гулять он по
В загогулинах листочку,
Как по древней Лимпопо,
За стрской читая строчку.
Изучив подробно текст,
На лопух взобрался липко,
Не минуя трудных мест,
Положил слова на скрипку.
Ах, как лестно было мне
В одиночестве и трансе
Слушать мастерски вполне
Исполненный романтик.

Аукаст в есишнике сквозняк,
Кого он ищет средь дерев багряных?
Умчало лето в ласковые страны,
С веселым смехом отбродив в полях.
Надежды нет кого-то повстречать,
Испепелены желтизнаю травы.

Нахлынут скоро черною оравой
Отары туч. И будет лес кричать,
Рычать и плакать от тоски и стуж,
Тьму и бураны проклишь до сипа
И рвать листвы последнюю прилипость,
Меча с размаху о стеклянность луж.
А где-то будет лето горевать,
Древесных лисем с нетерпеньем ждать.

Пойдем-ка сходим за окопицу
В этот час, когда среди хлебов
Земля устало Богу молится
Одышки вздохами, без слов.
Я так хочу от быта алчного
В ночную казуть тишину
И молодым совсем удачником
Глазеть на желтую луну.
Не говори, молчи, пожалуйста,
Не трогай пальцами души,
Не восхищайся и не жалуйся,
А только думай и дыши.
Я так хочу, чтоб в час безмолвия
Почти у сердца моего
Ты помяна, что многословие
В ночи не стоит ничего.

Веточка осенняя осины
Догорает в вазе на столе.
Тронешь лист ее багряно-синий,
Но не станет на сердце светлей—
Потому, что слышишь сквозь теченье
Чувств и мыслей ломкий шепоток:
«Для какого, милый, развлеченья
Ты меня от матери отторг?
А ведь я бы в осенях не мглистых
Средь таких же веточек—живых!—
Убиралась в звонкие б мониста,
Чтобы быть красивее других.
И со мною ветер шелопутный
Ах, какие б игры затевал
И уже под самое под утро
Он меня до дрожки б целовал...»
Шелчет ветка без проклятий вроде,

Я молчу, прерывисто дышу,
Список взяв, в Поганый Самый Орден
Сам себя угрюмо занюшу.

Вечер, словно вишня,
Яблоком—закат.
Кто, скажи мне, вышил
Крестики утрат?
Ты ответь мне, милая,
Вышить эту жизнь
Нитки преунылье
У кого нашлись?
К черту рукоделие,
Глупое, как сны!
Мы звстсрг разделим
Посреди весны.
Ты потащишь кубы
Мне, и никому,
Ну а я не грубо
Плести обсыму
И отдам тебе я
Из горячих рук,
Плача и немея,
Сердца перестук.
Нас с тобой, как прежде,
Как и год назад
Завсюжит лежность,
А сие закат.
Заколдуют травы,
Прошептав обет:
«Нету в мире славы,
Да и счастья нет.
Только есть короткий
Срець крестов утрат
Золотой и кроткий
На двоих закат».

Час нейтральный. Тишина.
Жар листву деревьев лижет.
Но закат тускней все, ниже.
Силью даль напоена.
Прегучерья алый шелк
Глаць озерную зашторил.
Кашул день. И кто-то вскоре
В небссах вздохнул. И—щелк!
Сколько щелкнется еще?

Об одном молю, Всевидец:
Пусть из строя счетчик выйдет,
Что-то сильно счет сгущен...

Гроза

Вспыхнули молнии всю ночь,
Рассели к земле взрывучей крохой.
Но стало вдруг грозе не в мочь,
Иссякли раж и упоенность.
И чтобы немочь не являть,
Ворча отрывисто и глухо,
За дальний колок умирать
Она отправилась старухой.
Какое утро вслед за ней
Пришло сумятице на смену!
Ансамбли птиц, осатанев,
Осанину пели откровенно.
Была умыта даль и близь,
Цветы к окну душисто плыли,
А воздух был шипуч и чист,
Как то шампанское в бутыли.
Ее хотелось так открыть,
Забыть грядущие химеры
И, восторгаясь, пить и пить,
Да жаль, что не было фужера.

Почему-то все боком.
Сикось-накось. Не так.
Если взять в невысоком
Штыле — просто бардак.
Даже небо убого
Над страною висит,
Как «Зенит» на треноге,
Ночь подонков плодит.
Ну так что же, прикажешь
Ложти в ярости грызть?
Или в дегте и саже
Эту вывалить жизн?
Или, чтя ножевое,
Опуститься на дно?
Не-ет, нам дело иное,
Нам другое дано.
Да, сошли с панталыку,
Прем дорогой другой,
Но нам некого тыкать —
Мы же сами виной.
Расхлебаем окрошку!

Пот соленый утрем!
И пойдем понемножку,
И, глядишь, не умрем.
По запомни, Россия:
Пусть любая беда,
Уповать на мессию
Не посмей никогда!
Для одной тебя мудрость
Я скопил не за год:
Над Отечеством утро
Сам вздувает народ.

Глухо. Сиро. И серо.
В красных трещинах свод.
Белым облаком вера
В неизвестность плывет,
Проплывает безлико
По ухабам судьбы,
Ее парус из крика,
Ее руль из мольбы.
Зачинается утро
В разноцветном огне.
Сколько облака утлость
Еще выдюжит дней?
Подержись! И безгласый
Твой услышится крик.
Кто-то разумом ясный
Вон уж к мольбам приник.
И, отринувши маски,
Бескорыстен и бос,
Там, в саду Гефсиманском,
Помолился Христос.

Адреса

Листаю книжку записную,
Друзей читаю адреса.
Вглядываешься вдруг в строку игую
И сходят камнем небеса.
Ах, Бог ты мой, и он до срока...
И, прижимая к ручке перст,
Кладешь на адрес кособоко
Нехристианский синий крест,
И как-то очень прединфарктно,
Протяжно сердце защимит
И ты посмотришь троекратно
На суток собственных лимит.
А мысль вползает абордажно

В пустую душу, в рот трубя:
Когда-то кто-то где-то так же
Печально вычеркнет тебя!
Ну что жё, что же, так и будет,
До края жизни так дано.
Но, дорогие мои люди,
Есть утешение одно,
Оно звучит, как голос с диска,
Шуршит, как дворника метла:
У нас у каждого прописка
Под солнцем времениной была.

Люблю в рождественские сумерки
Сограждан зябкую рысцу,
Еще теней древесных вымерки
На тропке к синему крыльцу.
Еще люблю, остукив валенки,
Выйти в дремашнее тепло,
Где от тебя иль лампы маленькой
Так тихо, сладко и светло.
И, сбросив все доспехи зимние,
Сказать лукаво в свой черед:
—А на дворе столбами длинными,
Ты знаешь, дым из труб идет...

Лимон луны во тьме висел
Над милой жестностью убогой.
Он исжен был и переспел
И желтым капал на дорогу.
А я, сутуясь над столом,
Бумагу мучил до рассвета.
Я, в сущность взглядаваясь слов,
Открыть хотел в себе поэта.
И я открыл его. Я знал,
Что в эту почь, строку слагая,
Я вышел с миром на скандал,
Сорвав погоны гэпугая.
Я знал, что принцип «кто кого»
Воспримут с ревом оборотни,
Я ведал: стойло и мурло,
Взбесаясь, попрут из подворотни.
Ну что же, стадо, выходи,
Рога нацелив и когыта.
И что чи будь там впереди,
А карта ваша будет бита.
Перо осилить может лом,

Но утешенье есть при этом:
Мурло останется мурлом,
Поэт останется поэтом.

Отчего так поезда грохочут,
Ночь терзая визгами реборд.
Будто кто-то сумасшедший хочет
Бег послужить превратить в полет?
Мчат составы. Небо, накреняясь,
Осыпает звезды-светляки.
Ничего во тьме не понимая,
По откосам жмутся тальники.
Я и сам сейчас не понимаю
Эту голику странную сполна.
Ни мне кто-то шопотом внушил:
«Это надо. Родина больна».
Это надо, надо, надо...
Равномерно бьется сталь о сталь.
И в душе накрапывает радость,
Сентября кончается печаль.
И как день становится понятным
Стук колес, визжание реборд,
И гудков далекая невнятность,
И составов бешеный полет.

Это прямо наважденье:
Вот уже который год
По моим по сновиденьям
Рыщет черный самолет.
Хищный, ломанный, крестатый.
В рыжих отблесках огня,
Мною двести раз проклятый
Он преследует меня.
Где бы я не гляделся,
В поле, в школе, на реке ль,
Вот он за час завалился,
Вот опять попал в пике.
И меня вжимает ужас
В землю, словно мокрый лист.
Вижу, как в кабине, щурясь,
Нагло склонится фашист.
Я лежу с попынью рядом,
В мост стучит павет один:
«Хоть бы кончились у гада
И патроны, и бензин!»,
Но грохочут пулеметы,

Но ревет вовсю мотор,
Рядом взвигивает что-то,
Весь в фонтанчиках бугор...
Эти грохот, рев и визги
Длятся сорок с лишним лет.
Но я буду, буду в жизни.
А ему сглазенья нет.
У него заикае не вечный
На патроны и бензин.
Он с землей последней встречи
Не минует, сухий сын.
Будет все-таки расплата,
Неотвязный самолет,
И за ужас мой когда-то,
И за детство за мое.

Расстрел

Памяти семьи Макаровых, расстрелянной немецкими оккупантами в 1943 году.

Шли морозы на убыль,
Снег в оврагах хрюпел.
Яблонь стылые губы
Ветер мартовский грел.
Время близило топот
Вешних талевых смут.
...Вдруг как выронил кто-то
В доме слово: «Ведут!».
Мы прилипли к оконцу
И увидеть смогли:
Под полуденным солнцем
Трое улицей шли.
Шли почти отрешенно,
Руки сзади скрестив,
Будто все совершенно
Всем на свете простили.
Следом немцы конвоем--
Режут наст каблуки.
Полдень, немцы и трое...
За спину штыки...
Это шествие к смерти.
Не явись перед сном!..
Возле взорванной церкви
Завершится оно.
Их поставили рядом—
Сына, мать и отца,
Страха негу во взглядах,
Лишь сменились с лица.
И какую же стойкость

Надо — так вот стоять!
— Подождите, постойте! —
Встрепенулась вдруг мать,—
Нас с отцом застрелите—
Мы достойны того,
Но вы сына простите,
Отпустите его!
Он совсем еще мальчик,
Он же не виноват...
Только крик, что он значит
Для метрезвых солдат?
Они скалили рожи,
А один хохотнул:
— Мальчик дома быть может,—
На деревню кивнул.
Слабо веря в спасенье,
До ступней весь дрожа,
Через поле в деревню
Паречек побежал.
Но фельдфебель конвойный
Рыжеват, остроскул,
Взял гранату спокойно
И в мальчишку метнул.
Ахнул полдень негромко.
На сугробы осел.
Снег за черной воронкой,
Чуть дымясь, багровел...
И тогда налачами
Был подгисан конец:
Прянул дым над стволами —
Навзничь рухнул отец,
Следом в ровик пустышний
Опрокинулась мать
В миг успевшая страшный
Белой-белою стать.
Забросала их с краем
Кирпичом немчура,
Чтобы память людская
Отыскать не смогла.
Но напрасно старался
Инквизиторов взвод:
Всех, кто страху не сдался,
Мой загомнил народ
Поименно, чьи души
Свет попыние лучат,
Он гранитами лучшими
Подвиг их увенчал.
И Макаровых тоже
Как я вспомнить не мог?
Я балладу к подножью

Им кладу, как венок.

За Жаркеном бездымно пылают леса
Передзимним спокойным багрянцем.
Погляжу — и глазам начинает казаться:
Колдовство, ворожба, чудеса...
Ах, леса! Как покой. Таких на земле
Даже гений еще не построил.
Тихо-тихо вхожу. Нас сейчас только двое —
Я и душа, что молчит, обомлев.
Золотые монетки висят надо мной,
Под ногами — такие же точно.
Каждый звук здесь нелеп, неурочен
Вот под этой сейчас легкой проливной.
Мы стоим под осиной почти не дыша
И я вижу сквозь плащ все яснее,
Как моя, изнуренная жизнью, душа
Постепенно во мне золотеет.

Фетовская ласковая ночь,
Свет луны и желтый и печальный.
Над страной вполне индустриальной
Ласковая фетовская ночь.
Как в такую призрачную жель
Хочется вдруг стать сентиментальным,
Тот обряд пригомнив целовальный
Тонких рук, к любимой прокипеть!
Черта с два! Попробуй, прикипи
На тропинке гутаной и дальней,
Если грохот дымный и обвальный
Твой порыв грозится утопить;
Если пахнут грубостью цветы
Да и мы грубы уже повально,
В тягость нам любви сакраментальность
И слова убоги и пусты.
Но и все же, фетовская ночь.
Свет лимонный лей многострадально,
Ну, а мы вовсю сентиментальны
Будем, потому что нам не в мочь...

Я никогда не видел моря.
А, говорят, оно красиво
И в шторм колотит, будто с горя,
По побережью с дикой силой.

Когда же я его увижу,
Орать не стану от восторга,
Я пойду к воде поближе
И постою совсем недолго.
Я повернусь и зло и круто,
Уйду под флагом отреченья
От этой лужицы мазутной,
Топча, как мидий, впечатленья.

Н. Лукановскому

Давай отпразднуем Викторию?
Над кем? Да сами над собой.
Ведь мы с тобой без траектории
Пришли и встали над судьбой.
Да, мы хлебали гниль болотную,
Но тупарей почувяв вонь,
Мы в туши их дубово-плотные
О как вели с тобой оголь!
Избиты были мы, изранены,
Сто раз мытарились в кольце,
Но не тоска предсмертно-рания
На нашем корчилась лице!
Мы ни на юту не попятались,
Тогда, когда—и смех, и грех—
Не трое, четверо иль пятеро—
Стада тянули руки вверх.
Пускай терзала нас бессонница,
Но не застал врасплох разгром,—
Окопы наши, наци~~и~~ конница
И нынче там, перед врагом.
Так что ж, отпразднуем Викторию?
Над кем? Да просто над собой.
Ведь мы с тобой без траектории
Пришли и встали над судьбой.
Давай отпразднем. Положено.
Ведь не «жизню» любя, а жизнь,
Мы дуракам, из штампов сложенных,
Не гроадались и не сдалисъ.

А вождь бывал гостепримным.
Он, речь слагая неспеша,
Тех госмужей, цени взаимность,
Любил на дачу приглашать.
Любил смотреть, как сидя, стоя
(Не ели что ли сорок дней?)
Глушили закусь и спиртное
И превращались в нелюдей.

Святой наив! Слепая вера!
Волчками в «барыне» вертесь,
Они циничную химеру
За братскую считали связь.
А «брать», когда их увозили
Пьянее пьяных по домам,
Ворчал презриво: «Насмердили,
Их не ко мне бы, а в бедлам».
И той походкой осторожной
Скользя в покой почивать,
Он делал вывод: «Этих можно
Не за нос, а за глотку брать.
А если избранные—куклы,
Из серой ваты дураки,
Тогда народ смолоть, как куколь
Чего же стоит? Пустяки...».

Черная речка

Что рядятся там секунданты-стратеги?
Проезду мешает какой-то заплott?
Да к черту сшибите горбатые слеги,
Хозяин на место потом их прибьет.
Скорее к исходу! Ах, сердце! Как плачет.
Ну, кажется, все, отошла канитель.
Тропинка готова. Барьer обозначен—
В снег брошена свертком Данзаса шинель.
Знак подан. И сходятся в сумерках двое:
Голландского хрена приемыш и аст,*
И русской поэзии имя святое.
Кому предпочтенье Всеышний отдаст?
А впрочем, при чем тут желание Бога?
Ведь воля его от земли далека.
Зависеть обратная будет дорога
Сейчас оттого, чья не дрогнет рука.
Издерганный сплетнями яростный гений!
Безбрежную скомкай, пожалуйста, злость.
Расчетливо следует встретить мгновенье...
...Ты помнишь железную тяжкую трость?
К михайловским рощам спеша на беседу,
Ее не однажды ты в спутницы брал,—
Предвидя житейские нудные беды,
Ты к тяжести руку свою приучал.
Ужели ж она подведет? Покачнется?
Не медли! Ты первый барьера достиг.
Пусть кавалергард в снеги мордою ткнется...
О, горе! Упущен для выстрела миг.
Не дымное эхо—сама будто речка
Вдруг ахнула глухо в вечернюю мреть.
И падаешь ты, словно черная свечка,

Чтоб позже на Мойке совсем догореть...
Прошло полтора сумасшедших столетья,
Другою ли стала — не знаю — юдоль,
Но горло России, как в то чернолетье,
Сжимает поныне тягучая боль
За то предвечерье с закатом совиным,
В котором убийца, пажав на курок,
Ударил, склоня, по судьбе соловиной,
По ней не ударить безумец не мог.
И боль эта будет, с историей споря,
Мучить деревни, терзать города,
И черный платок неизбывного горя
Россия не снимет уже никогда.

*Аст — так в пушкинские времена называли гомосексуалистов.

Омшаник

Памяти брата Виктора

I

По пояс в крапиве, в траве до колен,
Весь воском пропахший пчелиным,
Он выбрал давно себе этот вот плен
Средь вишен и буйной малины.
Ночами, когда проливала луна
Дурманящий свет над садами,
Он слушал, как нитила звон тишина,
Лягушки в истоме рыдали.
О, как он хотел, все углы раскачав,
Шагнуть безотчетно и пьяно
Навстречу скрипучей тоске дергача
И жалобам дальних баяна.
Но тяжестью висла потресканность стен,
Порога литая чугунность,
И он, оседая в святой простоте,
Вздыхал в серебристую лунность.
За дверью журчали двоих голоса
И были они беспечальны.
На теплую крышу, как утра роса,
Спускались полночные тайны.

II

— Ты с танцев сегодня куда убежал?
— Да так, дурака поваляли.
— А мне говорили, что ты провожал
Опять Тараканову Валю.
— Нужна она очень! Ухаживай сам!
— А впрочем, чего ты трезвонишь?
Ведь я же молчу, как по целым ночам
За Шориной бегаешь Тоней.
Сейчас ты откуда, скажи мне пришел?

Придумать стараешься что-то?
Не надо. Я знаю о том хорошо.
Молчишь, как расстрелянный? То-то...
О, юности нашей глухое «ау»!
О, первые сердцу приветы!
Сейчас все похоже совсем на мольву,
Случайно прилипшую где-то.
Но было же! Было! И первый секрет,
И первое душ полыханье,
И шепотом первый невнятный обет,
И первое милых касанье.
О, если бы те золотые года
Смогли бы сейчас повториться,
Я, знающий цену всему, и тогда
Готов им, безбожник, молиться.

III

Ах, старый омшаник! Знал многое ты,
Ты видел, сутуясь, бывало,
Как после тупой полевой маяты
В тебя мы входили устало,
И как мы порою совсем не могли
Снять обувь в грязи и навозе,
И как не подетски свирепо кляли
Бесплатное рабство в колхозе.
Мы рушились дохло в твою тишину,
Мы падали в сны, а не плыли
И в них уводили мечту лишь одну:
Чтоб рано опять не будили.
О, послепобедное время страны,
О помесь из горя и смеха.
Никто из оборванной сельской шпаны
Сторонкой тебя не объехал...
Ты мог бы поведать о многом таком,
Приют наш убогий, но милый,
Да, видно, не стоит — сочтут чудаком
И где они, прежние силы?

IV

К душе подступало, а что — не понять,
Ну что-то почти неземное.
И я доставал потайную тетрадь,
Неопытной гладил рукой.
Я в заросли сада от всех уходил,
В омшанике том закрывался
И миру потом говорил: «Заходи»,
И он над страницей склонялся.
Звенели тихонько сережки овса,
На клевере пчелы жужжали,
Шумели и пахли грибами леса,
Синели июльские дали.
Как сладко кружилась моя голова!
В туманий какой-то отваге

Являлись хорошие очень слова
И строчки текли по бумаге...
Так тихо рождался стиховый запой,
Что вертит судьбою поныне.
Не знал ты об этом. Так пусть над тобой
Они прозвучат на помине.
Услышишь ты в них, как в родимом саду
Шумят перегруженые ветви
И как по земле благодатной идут
Твои повзрослевшие дети.
Еще ты услышишь, как с добрым лицом
Меж прошлым согретыми пами,
Не зная начал и не зная концов,
Идет неизбывшая память.

V

Нас время мотает, как ветер листву.
И вот я порывом не шквальным
К родному опять перенесен гнезду
Поэтом пока не спалым.
Потрогав сирени, я дом обхожу
Заросшую узкой тропою,
Стою, на омшаник осевший гляжу
И сладить не в силах с осбою.
Совсем он поник, превратился в пустяк,
Молчит и готов на любое.
В нем наши мечтанья на стенах висят,
Как ключья ненужных обоев.
И все-таки я вытираю глаза
И в сердце с прощальнойю дрожью
Я кланяюсь дому, как тем образам,
И трижды омшанику тоже.

Приплетусь домой с работы,
Снег с ботинок остучу,
Рукоятки поворотом
Телек заспанный включу.
Сяду в кресло поудобней,
Подбородок на кулак
И о жизненном о хобби
Я подумаю вот так:
Мне не надо счастья дальку,
Счастье—истине служить,
Мне бы сказки вот бы только
Шехразады пережить...

Ах вы чудо-свиристели,
Вы опять в мой сад слетелись,
Дымным облачком расселись,
Презирая веток крен.
И для тайных разговоров,
Как менты на людных сборах
В тех устройствах до упора
Прутья чуткие антени,
Хохолки повышивали.
А за садом стылым дали
С небом радостно обнялись —
Окаем не различить.
Что за ним там слышно, птицы?
Не гремит ли колесница
К нам с апрельскою денницеей
Да вовсю степную прыть?
Нет, безмолвны свиристели.
Им все чудятся метели,
Но метели отсвистели —
Быось строкою об заклад.
Сердцем чуто-откровенным,
А не хохолком-антенной
Принял знак я из Вселенной:
Близок солнечный парад!

„Новая волна“

И. Иртеньеву

Мозаично, иронично
И эзописто вполне.
Мозг щекочет непривычно
Чых-то штампов негриличность —
Преабсурднейшая смесь!
Узнавать приятно вроде —
И про что, и про кого.
Но в груди не колобродит,
Кровь стартером не заводит.
Вот такие, брат, дела.

И гнет хандра, и жжет отчаянье,
И желчь бесчинствует в крови,
Но я хожу, ищу случайные
Осколки взорванной любви.
А как непросто их отыскивать,
Когда тротиловой волной
Они кусками ало-рдистыми

Вокруг разметаны давно.
Кто были горе-динамитчики?
Их нам известны имена,
Их напряженно-злые личики,
Смурные, будто после сна.
Тупые, трижды геростратные
Дела их минул суд земной,
Но ждет их кара неотвратная
В ином краю, толпы иной
За все святыни разоренные,
За всех, утопленных в крови,
За тело, в клочья разнесенное,
Безвинной девочки-любви..
Ищи, поэт, взывай, аукий,
Печаль, усталость — все снеси,
Но той теплыни, сгибшей в мужах,
Хотя бы долю воскреси;

Попытка завещания

Прикажу и я вам жить...
Но, друзья, под этим сводом-
Об одном я поговорить
Вас хочу перед уходом:
Нервы, ум и даже кровь
Я отдал стране, как надо,
И ее к себе любовь
Я обрел таких масштабов!

Правда, мнѣ не повезло
На награды (как бы льстило!),
Их, наверно, как назло

У Громыко не хватило,
Потому, когда мой прах
Поплынет вдоль вешних улиц,
Перед ним нести в слезах
Будет нечего, сутуясь.
Ну так речь тогда о чём?

Да о том, коль не в обузу,
Пронесите мой значок
Журналистского Союза;
Пронесите просто так—
Ну чего вам это стоит?

Мой золотогерый знак
Орденов иных достоин.

Покаянное

Отшумела целина
Популярная когда-то.
Напотесились сполна,
Министерские ребята?
Говорите, благодать
На Тверских своих бульварах,
Вылив пива, вспоминать
О расхаханных гектарах?
Рифму подлую любя,
Потрепаться о просторах?
Но не вы, а я себя
Чту в степи сегодня вором.
Это я угробил дроф,
Отравил селитрой рыбу
И последний крик лесов,
Как опричник, взвил на дыбу.
Это я к хаханью раж
Пел со знанием и звонко,
Заглушая рыком фраз
Колокольчик жаворонка.
В неуемном цвете сил
По нарядам, без промашки.
Это кашки я косил,
Это я топтал ромашки.
К золотым ковыльным дарам
Не бывать теперь возврату.
Ну так что же делать нам,
Министерские ребята?
В грудь ударить кулаком
И, слезу пустив при этом,
Встать в шеренгу дураков?
Вряд ли мы пойдем на это.
Остается вам и мне
Под глянко (сейчас маринки б!)
Из целинных ячменей
Справить горькие поминки.

Гляжу на окна на больничные
И мне, признаться, не до лирики.
Ну как вы там в своем привычном,
В своем квадратном белом мирике?
Все так же сестры милосердия
Бесшумно ходят по палатам
И кипятят шприцы с усердием,
И в спирт омакивают вату?
А при обходах врачи все знающий

Все так же юморят прытко
И раздает себя теряющим,
Как сувенирчики, надежды?
Полны ли вы все так же мужества
И думой мучимы ль при этом,
Чтоб укрепить сердец содружество
Ах, кто б прислал бы сигареты?
Все так же ль в тихий час отрадыши,
Сойдясь в кружок неунывающий,
Газетам вы, как дети, рады,
Дивитесь строчкам, с ног синевающим?
Гляжу на окна синеватые
И бормочу, как из молитвы я:
Судьба, не будь же тароватою
На горечь, подлостью облитую!
Спокойных снов вам, мои милые,
Спокойных, крепких, исцеляющих,
И солнца вам, что скоже с лилией,
И жизни, волей окрыляющей.

Окраина

В. И. Баеву

Тут рева машин не услышишь,
Людской не узришь суеты.
Тут солнышко бродит по крынам,
Произительно пахнут цветы.
Тут буйно толпится малина
Вдоль прясел и старых оград,
Ночами приют соловьиный
Грохочет в истоме прохлад.
Тут вечером, только забродит
Заката тягучая синь,
К художнику тихо приходит
Березок толна и осин.
Под окнами светлого дома
Они молчаливо стоят,
С печалью, им только знакомой,
Мечту о свиданье тая.
Им надо от встречи немного,
А только бы, чтобы он еам,
Как девочек их, тонконогих,

Однажды, влюбясь... нагисал.
Да вот не выходит. Знать, гордый...
Они ж, презирая молву,
Стоять здесь намерены годы.
...Ты слышишь, художник? Ау!

Стесняясь армады софитов
И всепозижающих глаз,
О днях, за «колючкой» прожитых,
Вела балерина рассказ.
Седая, в прическе высокой
И статью еще хороша,
В свое горевое далеко
Входила она неспеша.
Всем залом мы тут же за нею
В якутскую даль унеслись,
Стоим, на ветру цепенея,
И смотрим на адскую жизнь.
Декабрьское солнце с одышкой
Влезает на страшный забор.
Стволы пулеметов на вышках
Глазеют на лагерный двор.
Бетонные лица охраны,
Овчарок простуженный рык.
Горит над равниной, как рана,
Светила расплывчатый лик.
Стоим мы, а сквозь отрешенность
Ее долетают слова:
—Начальник наш лагеря склонность
Имел повторять все: «Траяна
Народ наш. Ни больше, ни меньше.
Подкосишь — другая взойдет».
И был он охотник до женщин,
Как до мертвчины койот.
Маньяк сексуальный. Мерзавец,
Не будь его гробу земли.
О, скольких он зэчек-красавиц
До бритвы довел и петли!
Однинадцать лет в отреченьи
Была от себя я самой.
Мне радость принес избавленья
Известного года прибой.
И скоро средь снежной равнины
Наш лагерь совсем опустел,
Начальник — и гад, и скотина —
Остался тогда не удел.
Солагерниц вести приходят,
Но нам неизвестно сейчас,

Где жизни остаток проводит
Одетый в мундир ловелас...
...Когда офоарился вечер,
Клоня к откровению и снам,
С артисткой закончилась встреча
И все разошлись по домам.
В одном, на квартал, мрачноватом,
Годов обрывая моток,
Вдруг глухо в квартире тридцатой
Раздался наганый хлопок.
Примчавшие люди на «Скорой»
Увидели в зальном углу:
Лежал, как распластанный ворон,
Мужчина на желтом полу.
И очень казалось глазу:
Как капли воды дождевой
Похож на того, из рассказа,
Был он, балерины седой.

В теплом небе голуби купаются,
Баламутя синистом благодать.
В час такой кому-то замечается,
Мне ж, пожалуй, не о чем мечтать —
Все сбылось, что было мной загадано,
Что в душе и ждал, и призывал.
Жизнь за все благодарить мне надо бы,
Лучшие бы высказать слова,

Ну за то хотя бы, что полвека
В продувных халупах не тужил
И, не продав облик человека,
Шесть царей партийных пережил.
За богатство? Стоит и за это,
В сердце слово теплится уже:
Вон две тысячи томиков поэтов

В семь рядов стоят на стеллаже.
А еще хотел бы за вино я
Выпитое мною в свой черед
В осени и в зимы, и весного,
Но за свой, не за казенный счет;
За любовь, отпущенную щедро,
Что поила светом, как заря,
И за то, что спрятанные в кедрах,
Обошел сторонкой лагеря.
Да, сбылось, что было мной загадано
На апрельском вербовом ветру.
Жизнь за все благодарить мне надо бы,
Только что-то слов не подберу.

Письмо девушке, решившей стать поэтессой

Стихи я ваши получил,
Я до конца прочел их еле
И не в душе вдруг ощущил,
А что-то, знаете ли, в теле,
Такое, знаете ль, нытье,
Сравнить какое можно с зудом.
Его в ответе вам моем
Я расшифровывать не буду.
Признаться, я хотел от вас,
Сейчас, во дни беды российской,
Совсем иной услышать глас,
А не скучежик в духе диско.
Я почему-то думал, вам
Грудь разрывает боль и мука,
А не скопленье эрогамм
И обеспеченности скуча.
Взять на себя я мог бы труд
Пристроить вирши ваши где-то.
Но побоялся: не поймут
И скажут сочное при этом.
Вот почему без дальних слов
И без воды толченой в ступе
(Читать такое тяжело),
Я говорю предельно скучо:
Чем в поэтессах век ходить
И сеять глупости на сите,
Вы лучшие, семью утвердив,
В хороших женах походите.

Со двора вошла и зябко
Всей фигуркой вздрогнула:
«Это что же, снова шапку
Одевай? Не долго нас
Грело лето. Знать, прошло.
Вон какой туманище...»
На нее гляжу и слов
Не найду не ранящих.
Подошел и обнял молча
Худенькие плечики:
«Да, подходит осень волчья.
День сменился вечером.
Только знаешь, не они
Для дрожанья поводом—

Это, милая, пойми,
Возраст дышит холодом...».

У охотников жены
сущий, знаете, клад,
они жизнью прожжены
и всегда вразумят.
...Ты вернулся без дичи,
ты устал и зарос,
только вместо приличного
разговора—допрос:
Ты имеешь хоть что-то?
(Тычет пальчиком в лоб).
Со своейю охотой
меня вгонишь ты в гроб.
Поглядите—гурманчи...
Дома дел целый, воз,
а он бродит, как мальчик,
оборвался, оброс...
И пошло, и поехало
до зеленой тоски,
ну а ты только с эхами
отжимаешь носки.
Отжимаешь и думаешь:
«Радость, свет мой в окне,
хоть бы раз тебе,—думаешь,—
все приснилось во сне.
И полями бы топанье...
Ну, а лучше б тебя
на Кривое бы топкое
так в конце сентября
завести бы отраду бы...».
А в глазах—все круги.
И ты в обморок падаешь,
снять успев сапоги.

За горизонтом брещут псы,
на всякий случай.

Ю. Ким

Который день не пишется, не спится.
Так что же делать? Выйду за порог.
На небе звезд тысячонок этак тридцать
Развесил в спешке для кого-то Бог.
Пустынина наша улица. Одни
Собаки лают хрюплю и протяжно.
Какая жизнь поганая у каждой,

Об этом лают, видимо, они.
Мне вам охота, песики, подывать
Не от безделья, не на всякий случай,
А потому, что вариант не лучший
Житья и я имею, может быть.
Давайте выть в безлюдицу и муть,
Нас слушать, может быть, неинтересно,
Зато ведь станет, наконец, известно
Моих и ваших прозябаний жуть.
Гремите цепью, ну а я строкой
В полночный час вам в унисон подзвякну,
Глядишь, душою чуточку помякиш
И, смяв угрюмость, встану над собой.

Оттепель

Сияя, чуть влажная,
Ласковая, пряная,
Томная, протяжная
В декабре нагрянула.
Распрямила плечи нам,
В души брызнув нежностью,
Посулила вечное,
Позвала безбрежность.
Из-под стрех чириканье
Постаралась вытрясти,
Дерева двуликие
В окрыленность выкрасить.
Глупые мы, глупые!
Не умней и тополи.
Все мы вроде ушлые,
А издев прохлопали.
Эта ласка—фиксия
И притом трехдневная:
Вон зима вновь львицею
Щурится разгневанной.
Сияя, уремная,
Ласковая, пряная,
Ты совсем не вовремя
В декабре нагрянула.

Уходят из сада последние желтые листья,
Уходят куда-то, по синему ветру скользя.
Вот так же уходят из жизни дорогою мглистой
Хорошие просто и лучшие наши друзья.
Уходят порой до жестокой нелепости рано,
Уходят, оставив в наследство и правду, и ложь,
Уходят, кто пулей, кто словом, кто женщиной
ранен,

Им руку, как прежде, уже никогда не пожмешь.
Уже не сойдешься за долгой душевной беседой.
И над столом не качнется малиновый звон.
Друг другу уже никогда мы не выскажем беды.
И не поставим свою откровенность на кон.
Уходят... И траурность шествия вы не прервете,
И жизнь все такою же будет, как есть и была.
Но все же спасибо ей, что на крутом повороте
Теплом и друзьями с тобою нас не обошла.

Еще не крах—утерян кошелек,
И сон потерян—далеко не новость,
Страшнее страшного, когда далек
Ты от понятий—доброта и совесть.

Есть живущие, есть жующие,
Как у яслей рогатый скот,
Есть идущие, есть снующие,
Чтобы кормом напичкать рот.
Есть парящие, есть смердящие...
Боже праведный, я ль дожусь,
Когда страшным последним ящером
Эта жрущая вымрет гнусь?

Тропою в темень брошенной,
Хочу к тебе пройти.
Далекая, из прошлого
Любовью посвети,
Той первой, робкой, чистою,
Как мартовский рассвет,
Мучительной, лучистою,
Которой выше нет.
Но если не отчаешься,
Я все равно дойду.
Два счастья не случается.
Ау, судьба!
Иду...

Доживает последние дни
Снег больной в перелесках веселых,
И скворечни, куда ни взгляни,
Облепили, свистя, новоселы.

Ах, какой же в сердцах ледолом,
Водополь несдержанная в душах!
Хорошо в эту пору вдвоем
И себя, и округу послушать.
Обмерли, приталились сады
Перед первыми вскриками почек.
Солнцем звон говорливой воды
Аж до боли в глазах раззолочен.
И пускай еще ночью туман
Неукотом поля обвивает,
Но уже не ввести нас в обман
Перед первой травою и маэм.

Сонным садом проходя
Утренней порою,
В бочку просто глянул я
Показалось, не водой—
С дождевой водою.
Темнотой с краями
Налила была она
Грозовыми днями—
Так черна была вода,
Тяжко так стояла,
Что казалась тяжелей
Всякого металла.
Наверху, на черноте,
Круга посередине,
Неподвижно отдыхал
Листик от малины.
Как он был изящно желт,
Как горел на черном,
Что до зубчика видна
Вся была узорность!
То была в последний раз
Сделана не хмуро
Гениальным сентябрем
Лучшая гравюра.

Из цикла „Моя война“

Караси

Ах детство наше военной поры!
Как дни горевые счасть?
Сердце скуют, как тот нарыва,
И вечно хочется есть.
Нам хочется есть с утра,

И вечером тот же круг.
Зная все это, мать добра:
— Сходили б, сынки, на пруд.
Рыба в нем, говорят, кишит...
О, господи, дай прожить!..
И вот мы с братом на пруд спешим.
— Витька, а чем ловить?
Был бы бредень, сачок иль сеть...
— Не надо. Все ерунда.
У меня «толкушка» немецкая есть,
Спрятана у груды.
Он, крапивы примяв кусты
(Как, паразитка, жжет!),
Гранату с ручкой на полверсты
Бережно достает.
— Только я не буду бросать —
Не наших что-то боюсь.
— Давай!
Чтоб робость не показать,
Я боком к пруду встаю.
С ручки свинчиваю колпак,
Вытряхиваю кругляшок,
Дергаю шнур, как иной мастак.
Шверяю. И хорошо!
Ухаёт взрыв. Мы с земли — винтом,
Глядим в глаза во все:
Ура! На воде горит пятно
Из сплошных карасей.
И прямо в одежде в воду — ух! —
Какой же удачи ждать?
Мы рыбу за пазухи на плаву
Торопимся собирать.
О возвращенье домой потом!
О шествие вдоль села!
Скользким обложены холодком
Наши с Витькой тела.
А утром булькала над таганцом
Уха и ласкала слух.
У меня по сегодня перед лицом
Ее незабвенный дух.

Урок чтения

Как в августовском хорошо лесу!
Броди себе с ведром или корзиной,
Заглядывай за пни и суковатой палкой
Всхождленности из прошлогодних листвьев
Усердно ковыряй и будешь скоро
В конце концов за труд вознагражден:
Твоим глазам груздей сухих семейка

Или горькуш тугая белотелость,
Что молоком густым готова брызнуть,
Предстанет вдруг и очень откровенно
(Их вид совсем беспомощно—растерян)
Безмолвно скажет лишь одно: бери!
Я так любил святое это дело!
Я знал в лесу места мои грибные
Наперечет и, может, потому-то
Ни при какой погоде, если даже
Мой край жестоко засуха палила,
Порожняком домой не приходил.
Однажды бункер обходя немецкий
(Был ими лес, как свиньями ископан),
И вдруг средь этой падали древесной
В навале сучьев и дубовых листьев.
Я начал рыться неспеша, но нервно
Я что-то схожее с бумагой разглядел.
Да, это был остаток полусгнивший
Газетной пачки лет совсем недальних.
Я на колено встал. Как реставратор
Нашедший что-то ценное и очень,
Лист от листа, боясь испортить дело,
Стал аккуратис, долго отделять.
Окончив вскоре эту процедуру
И подсушив на солнышке листочки,
Я проявлять стал смысл размытых строчек.
А смысл их был, я уловил, продажный:
В них кто-то призывал красноармейцев
Сдаваться немцам без раздумий в плен.
И плен при этом рисовался раэм:
Всем тем, кто сдастся, подлые писаки
Дать обещали марок и корову,
К постели принадлежность, сигареты,
Ну, а взамен чтоб каждый против немцев
Не гэмшлял, конечно, воевать.
В конце листа, где ставится «редаитор»,
Была заставка—черный треугольник
Вершиной вниз, а через основание
Была в вершину воткнута винтовка,
«Шт. в з.» стояло у приклада,
«Штык в землю»—вот что символ означал!
«Ах, вон писал кто,—я подумал,—эти
Иудские агитки! Это ж спора
Поганых власовцев, что в стельку налакавшись
И угрожая шмайссерами бабам,
В убогих хатах грабежи творила...»
Да, это был предателей табун.
И я своей зеленой головенкой
Кумекал дальше: «Что ж, себе вы место
Не зря совсем заставкой указали».
И в самом деле, кто истлеял бесславно?

А штык...наш штык царапал в 45-м
Победными реченьями рейхстаг.

Стрелковый всеобуч

Бои отгремели. И с плеч будто ноша.
За Поныри враг озверелый отброшен.
Нет рощи и сада, что был бы нетронут.
И всюду снаряды, и всюду патроны.
А сколько винтовок кругом беззатворных!
Оружия—море, а мы безнадзорны.
Эй, детская вольница—рыцарь без страха—
Оружие призвано бухать и баxать.
...Мы в близкий лесок ППШ настоящий
И ведра курносых патрончиков тащим.
А там у опушки, туманцем повитой,
Ржавеет тягач, в 41-м подбитый.
В глубокий скол мы сгружаем заботы.
Наличканы диски. Теперь за работу.
Дымит автомат и трясет наши руки,
Но мы по машине той в очередь лупим.
Ах, как интересно смотреть из-за края,
Как точки от пули на броне возникают,
А глянешь поближе—те точки похожи
На силь васильков, убаюканных рожью.
...Усталое солнце, пылая багрово,
Садится в гречиху за дачей Орловой.
Стрелки мировые, мы не виновато,
Шагаем героями к ждущим нас хатам.
Но только ура и оркестра нет что-то—
Нас странно встречают—совсем без почета.
А впрочем, все мамы, в руках хворостины.
И мы начинаем почесывать спины...

Победитель

О, как сладко пахнет волей!
Здравствуй, край печальный мой!
Из немецкой из неволи—
Пять семей—идем домой
По нескошененному житу,
Без тропинок, прямиком,
С жалким персчнем пожиток,
Кто обут, кто босиком.
Вот и домики над речкой,
Онемев, стоят сады.
А кругом с прямой насечкой
Танков врезаны следы.
Край передний возле Курска,

Там вовсю орут стволы,
Ну, а тут пылящим руслом
Шумно тянутся тылы.
Вот один боец лядящий
Посреди всей кутерьмы
На упряжке на собачьей
Едет-катит—хоть бы хны.
На ехидные вопросы
Согражданок гнет свое:
—Ничего, и на Барбосах
Мы Германию добьем!
Ах, славянская ты удаль!
Впрымь тебе и черт не брат.
Вот рискнул один Иуда,
А теперь и сам не рад...
...Много видел я в годину,
В ту жестокую страду,
Но сквозь дымку лет картину
Вижу ту, и только ту:
На собачках—вы простите—
По деревне по моей
Едет дядька победитель
Пропыленный до бровей.

Про картошку

Никакой там не Антошка,
Это я—а мой черед—
Пробираюсь за картошкой
Через сорок третий год.
Там, на поле, на куртинах,
Что от наледи чисты, “
Чуть качаются былинно
Метлы голые ботвы.
В грязь весеннюю воткнешь,
Под метлу такую вилы
Приподнимешь и, счастливый,
Пять картофелин найдешь.
...Битый час кружу с ведерком.
Солнце выше—жиже грязь.
На ногах моих опорки
Углядывают с грязью связь.
Все труднее с каждым шагом,
Мой загривок дымно взмок.
Наконец я, бедолага,
Так увяз, не вынуть ног.
Пропадай мои галоши!
Словно тушью на снегу
След печатая, хорошей
Я рысцой домой бегу.

Не прошел мой рейс напрасно
(Онемелость ног — не в счет):
Будут «рвотики»* прекрасны —
Нам их мама напечет
А закалки давней детство
Продолжается сейчас:
Я ни разу дисидентством
Не болел. Ну хоть бы раз!

* «Рвотики» — оладьи из тертой мерзлой картошки.

Оратай

О, как хотелось спать! Но бригадир
Стучал корявым кнутовищем в раму.
И я вставал, в тряпье себя рябил,
Душою гонимая вздохи мамы.
Дышило утро синим холдком,
Дорога пахла пылью и павозом.
Я шел с друзьями в поле за селом,
Пошатываясь, как в бреду тифозном.
Я в плуг волов угрюмых запрягал
И до начальных признаков заката,
Держась за ручку жесткую, шагал
Десятилетний сгорбленный оратай.
Порой волы, за зиму только съев
С конюшни всю соломенную крышу,
В упряжке грунто падали, осев,
Ни нашей браны, ни пинков не слыша.
И на манер той ручки заводной
Хвостов крученье мало помогало,
Но все же мы до сотой до одной,
Пусть спотыкаясь, норму выполняли.
Мы знали: нам запишут трудодень,
Ну, а цена ему — ни семь, ни восемь...
Но мы пахали, чтоб на голе всклень
Налитый колос золотел под осень;
Мы знали: где-то кто-то в добрый час
Наш хлеб возьмет с прилавка торопливо
И вспомнит обязательно о нас...
Нет, мы себя считали за счастливых!

Про коня

Только память словом тронь,
Как из лет счастливых
Он прискакет конь-огонь
С вороженой гривой;
С нетерпеньем у плетня

Громыхнет копытом.
Выйду, сяду, он меня
По тропе набитой
Понесет во мгле степной,
По родным ромашкам—
Только будет за спиной
Пузырем рубашка.
Я в ночном у тех костров
Пролечу над логом,
Будет зависть лацанов
Истинной и долгой.
Через весь свой дремный край
Пронесусь в тумане,
Размечу подковный грай
В предрасветной рани...
Но постойка-ка, память, тут
Вышла неувязка:
Вон ко мне коня ведут,
Он совсем не сказка!
Плечи сбиты, круп в рубцах,
Грива, как из пакли,
Шаг убог, в глазах ленца,
Он не конь, а цапля...
Здравствуй, милый Громобой,
Яростный и верный!
Это что же, брат, с тобой?
Укатала ферма?
Да, мой гордый чудо-конь,
Вск всему причиной:
Раньше был ты конь-огонь,
А теперь скотина.
Тебя держат, жалкий мой,
До поры под крышей,
Чтоб отправить на убой
Без эмоций лиших...
Друг мой конь, но ты не дрейфь
В лошадином стане:
Вот иссякнет в мире нефть,
Вновь ты чудом станешь.
Будет снова гордый скок,
В гриве посвист ветра,
Будут падать—все в свой срок!—
Навзничь километры.
Будешь вновь ромашки мять,
Цокот сыпать лавой,
И придет к тебе огять
Золотая слава.

Декабрь

Зима еще не надоела,

Но в звонкий день при резком свете
Нет-нет придет из-за предела
Простая мысль о дальнем лете.
И так захочется, чтоб в утрах
Не тополь, и неем облеплен,
Встречал тебя, а шелест мудрый
Листвы и рос великолепье;
И чтобы сердцем тихо млея,
С полей, как надо кончив дело,
Букет из кашек и шалфея
Принести тебе в руках несмелых...
Ах, это только блажь и слабость—
Ведь впереди сто дней морозов.
Но нет уже с мечтою сладу
И полыхает солнце розой.

Двадцать нас на стане
молодых парней,
да девчонка Таня
с матерью своей.
Кухня—их забота,
наше дело—хлеб.
И полна работой
вся до края степь.
Но едва предстанет
случай ли, момент,
каждый нашей Тане
дарит комплимент.
И, конечно, думает,
он—не из разинь,
и, конечно, думает,
он—неотразим.
Только, как нарочно,
света вся полна,
с молчаливым Лешкой
ласкова она.
Так ли там, не так ли,
Что не говори,
хмуры мы, как цакли,
сами не свои.
Но... опять лишь темень
Включит светлячков,
Бродят их две тени
Возле тальников...

А знаешь ты, мой друг, чем пахнет поле,
Весеннее распаханное поле,

Как тушью нарисованное поле,
Распахнутое перед утром мной?
Дождем? Цветами? А быть может, солью?
А может, нудной в пояснице болью?
А может, щедрым, праздничным застольем?
А может, запах у него другой?
Скажу, как пахарь: запах тот — не сахар.
Но я не ринусь в поиски метафор,
Чтоб ты, прочтя их, в удивлении ахал, —
Мне это все, признаться, ни к чему.
Без всякого, пойми, за правду страха,
Без всяких завитушек и метафор
Я говорю тебе, как перед плахой:
Тут попахать, брат, надо самому.
А это значит, раньше всех немножко
Приснуться надо, чтоб потом с подножки
Горячим полднем спрыгнуть осторожно
В конце загонки и упасть в траву.
И вот когда нахлынет сонь безбожно
Виденьем птиц седых у придорожья
И в засуху тревожащим бесстожьем...
Ах, запах поля! Спутать невозможно
Его с другим. Он хлебный. Я не лгу.

■

«Зацветает» в июле вода
На озерах, в прудах и в кюветах.
Необычным нам кажется лето —
«Зацветает» повсюду вода.
Мы проходим с тобой неспеша
Невысокой изъезженной дамбой.
И твоя и моя вдруг душа
Тихо вспыхнули юностью дальней.
Но горение это — на миг.
И мы оба в волнения гуле
Слышим — чей? — долетающий крик,
Что такого не будет июля.
Ну и пусть. В вечереющем дне
Ты покрепче прильни, дорогая,
И смотри, как в зелном огне
Догорает вода голубая...

■

Листки календаря,
как листья тополя
летят, не успевая
пожелтеть..
Ты говоришь,

Файнен.

мы молодость прохлопали?
Самих себя
пора бы пожалеть?
Ну что ты, что ты,
ну зачем так пасмурно,
стезя у нас
минувшая светла:
я не ходил
у молодости в пасынках,
ты падчерицей
тоже не была.
О, сколько было
без оглядки выпито
сердечных дружб
хорошего вина!
Я у судьбы
совсем недавно выпытал:
оно пьянило—
вовсе не весна.
Пу так давай
средь пошлого двуличия,
хлестающего в будни,
как волна,
мы нашу юность
возведем в величество,
она... она...
прекрасною была!
Вот почему
не говори: прохлопали
и что была простой —
не говори.
Пускай ее,
как листья свои тополи,
попробуют
другие повторить.

■

Не обольщаюсь, уповая
На полуночный тяжкий труд—
Меня, следов не оставляя,
Колеса будней разотрут,
А ветер глупый и игривый
Мой прах в ладони соберет
И шлейфом пыли рыже-сивой
По рощам звонким разнесет.
Да, будет так. Да, так и будет,
Вот почему, пока живой,
Кричу, ору: «Возьмите, люди,
Хотя б строфу!». Но нет, глухой

Снует народ. Ему до фени
Поэма, копла и рондель,
В его глазах лишь откровенье:
Еда, одежда и постель.

О как мучительно светаст
В моей душе и на дворе!
И что-то тайное витает
И звоном тонет в серебре,
И как сквозь долгое заснежье,
Тепло почувствовав едва,
Сквозь лист бумаги, пряча нежность,
Глядят гэдзинники-слова.
Входите, милые, входите
В мою строку по одному
И в честь той тайны процветите
Назло судьбе. Назло всему.

За Сергеевкой
под «Медвежью кровь»
я всю ночь с тобой
изучал любовь.
Ах, как долог был
наш с тобой ликбез,
Спать ушла луна,
закимарил лес.
Но до первых рос
неустанный мел
по доске ночи
все шуршал, скрипал.
Тек потом туман
из логов в Ишим...
Ах, как было нам
хорошо двоим!
И поверил я,
скрытенный днесь:
радость тихая
в этом мире есть.
И еще один
я нашел ответ:
ничего любви
выше в мире нет.

Райцентр

Куском милостыни
тут брошен асфальт
в лицо
неухоженных улиц.
Под рокот машинный,
детсадовский гвалт
тут бродят деревья,
сгуляясь,
у чьих-то раскрашенных
глупо ворот
и чьих-то визгливых калиток,
и тридцать какой-то
размеренный год
тут небо
по лужам разлито.
Тут будни похожи,
как спрос на вопрос,
тут честность цветет
и халтура,
тут тайно за каждый
окрепленный юст
грызется номенклатура.
Тут так же, как всюду
рожают и пьют,
по праздникам
лозунги носят,
по пром и по прод
суетливо снуют,
и хвалят, и лгут,
и коносят.
Когда же ночами
дохнут из степи
польинною терпкостью
ветры,
он окна от дремы
с трудом разлепив,
вздыхает во тьму
незаметно.
И столько во вздохе
бывает тоски,
что мне,
не слезливому дяде,
вдруг хочется взмахом
усталой руки
его, как собачку,
погладить.
Погладить и тихо
как другу шепнуть:

«Подюжь, дорогой.
Непременно
на улиц твоих глуховодье
придут
и лягут, лучась,
перемены».

Я двадцать лет хожу в певцах
Стели угрюмо-узкоокой,
Но никогда еще лица
Я не отринул от истока,
От деревушки под Орлом,
От той избушки у оврага,
Где с материцким молоком
В себя я впитывал отвагу;
Где шестилетним сопляком
Познал нашествие тевтонов
И где колхозником потом
Людей бесправных слушал стоны.
Я много горечи испил
В краю суглинисто-ракитном,
Но никогда я не делил
Тех, кто был рифмою пропитан,
На паводарских и иных,
На городских и прочих сельских,
Мне был любой желанен стих
И Тряпичных, и Вознесенских.
Креативы критики смешны.
Да в том ли сущность, где ты вырос?
Важнее, что на стол страны
Ты для народа все же вынес.
Любя любой земли клочок,
Свое доигрывая скерцо,
Я попросить вас вот о чем
Хочу, пока грохочет сердце:
Когда окончится асфальт
И станет путь сырым и узким,
Скажите вслед мне тихо так:
Он просто был поэтом русским.

Последняя афганская песня

Девять лет авантюрного ада
Отчадили на поле чужом.
О, как сердце усталое радо
Возвращенью в отеческий дом!
Девять лет мы о правде не знали,

Но, защиты от пуль не ища,
Мы служили, седели, стреляли...
До свиданья, Афган, и прощай!
Мы с тобою позорно, но живы
(Нет на цифры сегодня табу):
Наших мальчиков тыщи убиты,
Ты в воронках по самый Кабул.
Мы по-братьски с тобой обменялись
Под знаменами подлой судьбы:
Вы с вертлявой свободой обнялись,
Ну а мы получили гробы.
Слава Богу, финальное спето,
Вдаль не нужно сквозь линзы смотреть,
Но последняя песня вот эта
Будет пулею долго лететь.

Пирамида

Шел я как-то на закат,
Любовался сельским видом,
Вдруг у мирного леска
Я увидел пирамиду.
Да-да-да, такую же в точь,
Как на радость миллионам
Физкультурники не прочь
Показать на стадионах.
Но в отличие от тех,
От торжественно-помпезных
Как-то жутко и железно.
Поднималась эта вверх
В основании кольца
Двести тыщ стояли хамов.
Выше круг — на подлеца
Меньше. Так до точки самой.
Друг у друга на плечах
Висли каменно фигуры:
Демагог у палача,
Барделинчика у дуры,
У пьянчуги самодур,
Казнокрад у лизоблюда,
У врача фиамокур,
А у шкурника Иуда.
С дрожью чудо обойдя,
Так рванул я без оглядки,
Что качалася заря
И мои дымились пятки,
Расстоянье отмахав,
Я решился оглянуться.
Нет, онастройна, тиха
Продолжала вверх тянуться.

Но за двадцать даже верст
В зыби сумеречно-струнной
Всей конструкции ее
Ощущался вес чугунный.

Я запомнил тот день похоронный,
Когда возле смурного Кремля
Как-то глухо, почти что картошно
Грохотнула в могиле земля.
Ничего не случилось особо,
Просто двое в хэбэ молодцов
Не сдержали тяжелого гроба
С кустобровым одним мудрецом.
Звезданулся он в мрака прослойку
Под прищур незаплаканных глаз,—
Будто выбросил кто на помойку
Проржавевший запачканный таз.
Пели трубы оркестра большие,
Отдыхал от шаганья эскорт..
О, каким был тот траур фальшивым!
О, какою притворно — скорбь!

Ах, когда я юным был,
Прытким и румяным,
Очень зимы я любил,
Был от снега пьяным.
Я любил метельный вой
Непроглядной ночью,
А еще лстить с тобой
В санках полем волчьим.
Но иною стала кровь,
В сердце перебои,
И дорожная любовь
Уж не беспокоит.
Тянет тело примостить
Ближе к теплым кечкам
И в тепле вовсю клясти
Зим сверхбесконечность.
Ах, ведь был же юным, был.
Прытким и румяным,
Зимы жгучие любил,
Был от снега пьяным.
Был... Да, знать, иссякнул хмель
И любовь остыла.
Вся надежда на апрель
Да на то, что было.

О ревности

Вы встречали умников в очках,
Тех, что изрекают, как с амвона:
Ревность отнесите к мелочам,
Глуп, кто ревность доведет до стона,
До звериных скрежетов в зубах,
До ночей, бессонницей убитых.
Нет ей места в жизни и в стихах,
Ревность — давний прошлый пережиток.
Импотенты сердца и души,
Как прозрачны ваши постулаты!
Это значит: не зевай, спеши
Тискать всех, бывалые ребята!
Тискай всех! Тут цацкаться чего ж?
Лезь в постель чужую без отглядки.
И ни высоверк из восьмизарядки.
Не грозит вам ни кастет, ни нож
Нет, шалиши! Для вас я оголю
Пушкина мораль совсем иную:
Коль живу, так, значит, я люблю,
Коль люблю, так, значит, я ревную.

Подпольные песни

Ах, песенки подпольные,
Свистящие, как кнут,
Поют вас недовольные,
Блатные вас щют.
Под запах мяты с цинией
Из трещин и углов
Вас распевают циники
А ля Иван Барков.
В колесики-касsetы
Вас сколько собралось?
Тележных столько пету
В стране сейчас колес.
И катятся напевики,
Грохочут по Руси
На грани той истерики,
На рубеже: спаси!
Ах, авторы подпольные,
Талантливый народ,
Мне мысль одна невольная
Покоя не дает:
Вы гойте, что хотите,
Не суд вам Поляков,
Но только не спуститесь
До роли дураков.

Пускай звучит под небом
Ваш бред или не бред,
Но, главное, чтоб не был
Он Родине во вред.

Где-то мальчик в ночи...

Где-то мальчик в ночи,
изводя карандаш,
сочиняет
в запале нездешнем
стихи.
Я оценку не дам,
да и ты ведь не дашь,
хороши ли стихи его
или плохи.
И пять тысяч поэтов,
Россией бродя,
под сивуху устав
загибать «вечера»,
мимо мальчика что-то
стеклянно глядит.
не приложат ни пальца они,
ни пера,
чтобы чудо открыть
и стране подарить.
А в журнале
изящный седой ловелас
настрогает ответ:
«Лишь могу огорчить,
мы других предпочли,
к сожалению, не вас».
Ну а где-то все так же
шипят карандаш—
тихий мальчик в очках
над стихами корпит.
Нету выстрела, но
меж лопаток мураж:
третий гений сегодня,
быть может, убит..».

Николай Рубцов

Вот теперь о чем заговорили:
«Ах, талант! Ах, знаете, звезда!».
Ну, а где же раньше-то мы были
И глядели, собственно, куда?
Да, куда, когда он как отшельник,
Броны не сбив с издательских дверей,

Предлагал нам стих свой неподдельный
За пучок презреннейших рублей?
Стих его, он не уйдет в могилу...
Но сегодня крик мой о другом:
Неужель, чтоб знали, надо было,
Чтобы кто-то ахнул утюгом?
Бог ты мой, какая же нелепость!
Бог ты мой, какая душит грусть!
А бывало ли поэтам лепо,
Ну-ка вспомни, дорогая Русь?
Пушкин, Кедрин, Лермонтов, Есенин...
Есть ли ряду скорбному конец?
Все отпелись в возрасте весеннем,
Приняв славы горестный венец.
Вст и Коля... Зная цену слова,
Я прошу, издатель-эрudit,
Не пишите «умер» в предисловьях,
А пишите все-таки —убит.

Хороши сергеевские зори!
В дымке солнца проступает лик,
Над густынным рукотворным морем
Ранних чаек хриплый переклик.
Эти клики берег дальний множит
И роняет в гальку и песок,
Гладь воды ну кто тут потревожит?
Разве что рыбакое весло.
Каждый миг сильней очарованье,
Все густее розовый туман.
И всплывает в памяти название
Дальнее-предальное: Тамань.
И глазам является картина:
Бродит, гесней раздвигая мгу,
В черном платье странная Ундина
На другом, отвесном берегу.
Вам виденье будет долго длиться,
Но когда рассеется туман,
Колдовство в просторе растворится,
Разобьется вдребезги оман.
Проза сменит чары и лозорье,
Но я все же говорю в стихах:
Хороши сергеевские зори
На степного моря берегах!

Умирая, не морошки
Я у близких попрошу—
Потянувшись рукой иссохшей

К одному -- карандашу.
И еще в слепой отваге,
Покидающей меня,
Попрошу я лист бумаги,
За медлительность браня.
И не видя в Лете броду
(Боже, дай немного сил!),
Напишу я то, что сроду
Вам никто не говорил.

Мерзавцу сталинской поры

Да, ты сейчас уже не тот,
Поблек свинец тупого взгляда,
Слетела наглость и бравада
И шепеляв поджарый рот.
Но к пенсиону добывать
Довесок

ходишь ты куда-то,
Неся по улицам горбато
Свою скуженную стать.
А было время, ты как бог,
Приоблачясь в диагонали,
Бедро привычно онаганив,
Шел по деревне. Все ты мог!
Ты мог за точные слова,
За опрометчивые мысли
Любого сроком долгим высечь.
Ты был на гадость тароват.
Ты повод подлый находил
Над жизеюю многих грифом виснуть,
Несчастных вдов нетрезво тискать...
О, как же в жизни ты смерди!
Но у всего есть свой конец.
Тебя он тоже не минует,
Да никого он не взволнует,
Тerrora сельского отёц.
Когда ты скажешь: «Все...не жить...»,
Мы не пойдем, скорбя, за гробом,
Но все ж один поступок добрый
Придем к могиле совершить:
В нее мы сбросим синий груз
Всех галифе, что жизнь давили,
И парусиновый картуз
А ля Иосиф Джугашвили.

Родное

В небесах — угонщики,

Ниже—самогонщики.
Лозунг там и лозунг тут:
«Родине—ударный труд».

Вы страстно чтите чин и звание,
Сгибаясь ласково в дугу,
А я при всем моем желании
Никак согнуться не могу.
Но не с того, что я невежливый,
Нет, дело тут скорее в том,
Что, рассекретить тайну ежели,
К моей спине привязан лом.
Его мне в детстве приспособили
В селе орловском мужики
Да снять донышне не сподобились.
Ай, мужики! Ай, молотки!
А впрочем, знаете, отличную
Устроил хохмочку народ:
По крайней мере хоть статичная
Спина моя не устает...

Прощанье

Ах, Катенька, Катя,
Когда это было?
От рос передутренних
ноги змобило.
За каждой калиткой
прибоем кипело
нашествие— помнишь?—
черемухи белой.
А молодость нашу,
судьбы беспечалье
рассветные птахи
на крыльях качали.
В лугах коростели
надрывно скрипели...
Но что-то понять
мы тогда не сумели..
Ах, Катенька, Катя,
когда это было?
Какою росою
следы твои смыло?
И кто ты, и что ты,
и как ты, и где ты?
Черемухи в белое
снова одеты.

Но только сегодня
сквозь годы и лица
былое, бывает,
порою лишь снится.
И сны повторяются,
в буднях сгорая.
Что это, молодость
веет вторая?
Черемухи память
бередят и будят, ¹
но только их больше
не будет, не будет.
Не будет калитки,
зари над лугами,
но память о прошлом
останется с нами!

Разговор с Сергеем Чекмаревым

Я не встречался с речкою Сюрень
И никогда того не мерил брова,
Где опрокинулся твой чистый день
Вслед за проклятой хлипкою подводой.
В реке, как прежде, булькает вода
И в сердце бьет, как трубный голос выши:
Ну как ты мот, когда стряслась беда,
Спортсмен, наездник — из реки не выплыть?
Я не поверю доводам молвы,
Я только чувству собственному верю:
В пакат холодной бешеноей волны
Кулацким был ты опрокинут зверем.
Те дни снежком забвенья замело
И нет нужды их вроде бы тревожить,
И жизнь твоя в легенды увело,
И время их, наверное, умножит.
Тебе всздвигла памятник страна,
Стихи твои разъехались по свету...
Но нет, Сергей, не кончена война
С подонками и иных у поэтов!
Ну разве можно благостию смотреть,
Как эта разветвляется порода?
...Легит, пылит, грохочет через мресь
Башкирская твоя подвода.
Я мертвой хваткой за нее держусь
И ни в какую качку не покину,
Пусть даже знака «финиш» не дождусь,
Пусть даже трижды буду опроинут!

Хорошое утро

Дымками беззвучной шрапнели
Висит за окошком сирень.
Я знаю, условленной трелью
Сейчас просигналит мне день.
Я форточку настежь открою
В цветущий неслыханно сад,
И хлынет в мой дом голубое,
Июня шальной аромат.
Березка лукаво и мудро,
Дорожки успев подмести,
Шепнет мне: «Хорошее утро!»
И руки под грудью скрестит.
А утро — действительно чудо,
Не зря ж, коль душой не кривить,
Лет триста — легко ли там, трудно, —
Захочется очень крожить!

Кряква

Как снег на голову из-за гряды
Камыша, что копия литые
Воззил в рассвет, вдруг просвистела ты,
В посадке крылья распластав косые.
Ты шла на плес, поверив в тишину,
Душою птичьеи в это утро веря,
Но там, за ним, по сторону по ту,
Зрачки стволов зашарили по-зверыи.
Два грома рыжих грохнули из них,
И ты, теряя высоту и силу,
Среди коряг и бликов золотых
Осколок плеса вдребезги разбила.
И стало пусто, тихо над водой,
Но на воде, и розовой, и черной,
Какой-то мелкой зыбкою ордой
Разводы шли и долго, и упорно.
Они тянули к тонким берегам
И там шептали вовсе непредвзято,
Что за дозвучивость порою нам
И вот такая выпадает плата...

...А хапуг и подлецов прощать
Никогда, до-моему, не стоит:
Вкус прощенья дайте им познать
И они вам горечи утроят.

Что с тобой случилось, Родина?
Не могу тебя понять.

От какой вдруг непогодины
Изменилась твоя стать?
Почему ты в равнодушие,
Словно в мех, втопив лицо.
Смотришь робко на двурушиков
И на прочих подлецов?
Почему ты ладишь с ханжеством,
Водишь с лестью хоровод,
Чтишь не алость, а оранжевость,
Слов не тут бормочешь свод?
Горько мне полусотлетнему,
Все делившему с тобой,
О тебе стихи заветные
На мотив тянуть иной.
Встрепенись, моя болезная,
Выйди утром на крыльце,
Стань веселою и резвою,
Проливным омой лицо
Да пройдись такой походкою,
Чтобы умников орда
Пропитой взревела глоткою:
—Ого-го! Вот это да!
Чтобы вслед глаза таращила
И скулила хищных рать:
—Не она, а мы пропащие,
Это нам уже не встать.

Доля

Моя доля—дом да поле,
А погроще—это так:
Все российское раздолье
От Курил и до Карпат;
Это весточек неспешность
От друзей издалека,
Из отваги мною грешным
Сотворенная строка;
Это—что за наказанье!—
Дум о правде непокой
И почти всепониманье
Милой женщины одцой;
Это, если счастья море,
Вволю плить и мне, и вам,
Ну, а если горя горы,
То и горе пополам.
Моя доля—дом да воля,
А не кваканье о ней,
Это—жизни моей поле
Средь Отечества полей.
А еще—смельч сквозь слезы,

Право песней сердце сжечь
И спокойно под березы,
Сделав все, однажды лечь.

Чем больше зэков, тем меньше леса.

Высоцкий

Так много грязи,
Так много мрази,
Бороться духу
И сил уж нет.
Но календарный,
Но легендарный
Со стенки смотрит
Его портрет.
Глаза, как лазер,
Пронзают сразу,
Уйдешь за двери—
Сквозь двери жгут.
И вот-вот губы
Немного грубо
Баском охрипшим
Произнесут:
«Ну что ты, парень?
Ты будь в ударе,
Плюнь на усталость,
Кричи, пиши!
Мы идиотов
И живоглотов
В конце концов
Распотрошим.
Поверь, мне тоже
Бывало тошно,
Когда глядел
На тарарам.
Я пел без водки
До боли в глотке,
Пока вот сердце
Нагрополам...».
И вдруг застонет,
К столу погонит
Строка шальная—
И ночь не спишь.
Приходят силы,
Перо, как вилы
И сам себе ты
Говоришь:

Пусть много грязи,
Пусть много мрази,
Но дайте, люди,
Недолгий срок,
Мы грязь осущим,
Изменим души
И вы узнаете
Рыбок.

Борису Рубашкину

Не потому, что песни старые,
Бытовавшие в Руси,
Под рыдание гитарное
Ты сегодня воскресил;
Не судьбе твоей раскованной,
Необычной даже пусты,
В мире, распрыами расколотом,
Очарованный, дивлюсь,
Одному дивлюсь не грустно я:
Как ты смог родную речь
Ну и все—такое русское.—
Средь чужих в себе сберечь?
Как сумел напевно-ясную,
За другой вопрос прости,
Ты заквасочку славянскую
Через годы пронести?
Пой, Борис, душой невыраженной
Средь снегов и среди рос.
Ты, как русский, нынче ближе мне,
Чем иной великоросс.

—Ха-ха!—сказала мне она,
сережки поправляя в ушках.—
Тебе, мой милый старина,
не написать стихов, как Пушкин.
—Ха-ха!—сказал я, не сердясь,—
тут дело вот какого рода:
он тоже, перья изводя,
как я не написал бы сроду.

Лад

Тает снег,
Стонет снег,
Астрий солнце в небе.
Распахнул

Ельник меж—
Долгий сон как не был.
Ересь тянет
Петух
Вспрыгнув на ограду.
От земли
Тревожный дух,
И с душой нет сладу.
Есть во всем,
    что видишь, лад,
Сердцем ладу
    каждый рад.

■

Отцвели глаза твои и губы,
В серый цвет отходит голубой,
Но поют серебряные трубы
Над твоюю снова головой.
И опять ты в юбочке в обтяжку,
Бабью мольв не ставя ни во гроши,
По Ташкентской шумной и протяжной
Будто в годы лучшие идешь.
Ты проходишь тонкорукой Ладой
По тобою выбранной судьбе
И прохожих пламенные взгляды
Опадают под ноги тебе.
Ну так здравствуй! Дай свои ладони
Нежные, горячие, как день,
Мы давай, ни слова не уроним,
Отойдем в подвязовую тень.
Отойдем, послушаем, как любо,
Темп нисколько не меняя свой,
Продолжают петь шальные трубы
Над тобой, как прежде, молодой.
Пусть поют. Я музыкантов спрашивал
И была в ответе хитреца:
«Это песня молодости вашей,
А у ней не видится конца...».

■

Ночь чернилится вокруг,
Осень это, лето ли?
Только лампы светлый круг
На столе поэтом.
Он один сейчас в ночи,
На ножах со словою,
Каждой буквою кричит
В скорби над державою.
Ты, страна, его прости,
Утро выкрась зорькою
И строку хоть раз пойми,
Если даже горькая.

Любовь и уголь

ПОЭМА

I.

Значок академический
Я заслужу потом..
...Со скоростью космической
В земной летим проем,
В проем, водой сочащийся,
Летим, не чуя ног.
Всезнающе качается
В «шахтерке» огонек.
Обрывки мыслей вертятся,
Одна страшней, чем смерть:
А если не удержится
На «парашютах» клеть?
Но вот мелькают реже все
Крепления ствола,
И нам весомость прежнюю
Тьма тут же отдала.
Толчок. И в запах селевый
Садится с крехтом клеть.
Выходим мы растерянно.
В приствольную мокредь.
На нас спецовки новые,
От касок бьют лучи.
Девчушка развеселая
Смеется: — Новички?
— Да, детка, кополение.—
Наш мастер деловит.
Он с искренним волнением
На нас сейчас глядит.
Он празднично-торжественный,
Он светится лицом.
За нас он главответственный,
Он нам сейчас — отцом.
— Идем, ребятки, в лаву.
Прошу вас об одном:
Не топайте оравой,
А все за мной — гуськом.
Себя вести серьезно
И галок не ловить,
Не то электровозом
Тут могут зашибить.
Услышите как только
Гуденье и звонок,
Ныряйте между стоек
Все на людской ходок.
У всех ли все в порядке?
Ну, молодой народ,
За мною без оглядки

Потопали. Вперед!..
О, мудрый Дант! Не надо!
В невидимом былом
Ты многокружье ада
Придумал за столом.
Тут все не так. Сегодня
Без стихотворных штук
По этой преисподней
Мы делаем свой круг.
По самой натуральной.
Где быть не всем дано.
А рельсы так зеркальны...
А на душе одно:
Эх, горное училище,
Спасибо и прощай!
Подземное чистилище,
Нас, мальчиков, встречай.
Чихали мы на робость,
Мы тертый ведь народ,
И гордость через робу
Из нас, конечно, прет.
Походочка вразвалку—
Б сторонку, мужики,
Нам слабых нынче жалко.
Кто мы то? Горняки!

2.

Итак, начинается смёна,
А это вам не гульба,
И где-то под сердцем несмело
Скребется: а может, судьба?
Но некогда вдуматься—так ли,
На той ли трофе стояшь...
—Эй, слесарь, едрена цапля,
Ты что же там, фрайер, спиши?
Кончай от безделья киснуть,
Тут дел, исчитай, вагон...
Я в лаву ползу, а мысли:
«Пу и лекенкон!»
И пятнадцать минут работы,
Вновь уголь щумит готов.
Но рявкнул со сборного кто-то:
—Валяй сюда, слесарек!
—Ну что еще там случилось?
—А я не эрудит.
Из двигателя дымило,
Включаю, а он гудит.
—Да ты же его ухлопал!
Ведь был же нормальным он...
Ну и осталопы!
Сам штреками—в марафон.

Да, от ругни я спасся
(Спасибо, память, тебе),
Я двигатель взял запасный
И притащил на себе.
Его заменил я вскоре,
Но отдохнуть не дают.
— Воды на четвертом море,
Лебедке сейчас кают;
Ее через час затонет,
А нам же работать, чай.
Давай, молодой, протопай
Да быстренько откачай.
И снова, согбаясь в бублик,
Ползу я по решеткам,
Что есть костерю и будет
Помимо японских мам.
Конечно же, не для вида
Пришел я сюда горбить,
Но ведь должна же обида
На эту ораву быть
За полублатную грубость,
За тонкий порой издев.
Но сказано чувствам: тубо!
И в душу мою гвоздем
Вбивается постепенно
Не злоба — наоборот,
А все потому, наверно, —
Отчаяннейший народ.
И я, философс/вуя, тухо,
Себе не давал уснуть,
Искал квадратуру круга:
А в чем же «оравы» суть?

3.

Лешка, Леха, Алешка Полбцев,
Знаменитый карманний вор,
Мне до каждого слова помнится
Тст далекий наш разговор.
«Дело, — ты говорил, — такое,
Ты зеленый еще, как лук,
Я глаза тебе подраскрою,
Заодно и немного слух.
Ты приметил, кто в шахте пашет?
Ну татары, ну немцы с Волг
И, конечно же, с ними наши,
Зеки бывшие — чуть не полк.
На вторых и на первых kleят
Этикеточку «продавец»,
Ну, а нашим, хоть и келейно,
Присобачивают: «подлец».
Ну, а в чем виноваты немцы,

В чем повинны сто тыщ татар,
Если фюреру желтый венчик
Кто-то подленький рисовал?
Ну и зеки... А кто нас в зеки
Дланью мудрою произвел?
Политические калеки,
Узаконенный произвол.
Но скажу тебе, зеки—люди,
Только в память им не нагадь,
Они душу, коль надо будет,
Могут тут же тебе отдать.
Я по высшему рангу—урка,
Я валился на кич шесть раз,
Говорю: кто бывал там, Юрка,
В тварь не ринется, не продаст.
Все садились мы с верой—«кормчий»,
Кто от голода, а кто так:
Траванет анекдот погромче
И, глядишь, загудел, простак.
Я и сам вот не от избытка
На родительском на столе
Отпустил своей жизни нитку,
Опустился и обмелел.
Говорю вот, а много ль толку?
Бесполезность, она видна.
Ну зачем, как на брянских волков
Ты косишься на нас, страна?
Мы не пасынки, не изгои,
Сыновья мы—что есть родней?
Оступились.. но тут другое
И потом ведь—по чьей вине?
Люд смурной, Чернота, Колхозники.
Боже, сколько же, сколько мы
Лесосек собой унавозили
От Урала до Колымы!..
Ну, конечно, не все святые,
Были мрази идей иных—
Души выселят молодые
И выдаивать лезут их:
Под угрозами, под диктовочку,
Ты давай, молодняк, пиши,
Мама, плохо тут, уголовочно,
Не скучись, полкосой пришли.
Они хавали дармовщинное,
В души лезли, смердили там,
Но подобных за необщинное
Мы шарахали по шныфтам...
Этот слой и сейчас не выкопан,
Паразиты не извелись,
Им не стоит и вздоха вытолпать

Хоть свою, хоть чужую жизнь.
Но не эти—слегка нахватали
На майданах ростовских впрок—
Патриоты, пускай и латаны,
Долбят родине уголек...
Лешка, Леха, Аleshka Половцев,
Знаменитый карманный вор,
Мне до каждого слова помнится
Тст далекий наш разговор.
Отпечатался, как на пленочке
Той, с чувствительностью по ГОСТ.
Он из прошлого, как на гоночной
Прямо к сроку—желанный гость!
Мне сказать тебе что-то надо бы,
Да ведь где же тебя искать?
Вот и феня твоя понадобилась,
Чтобы этой главою стать.

4.

О юности неповторимой
Каскад водевилей и драм!
Лавина их неодолима
И все их грохнуть нам.
...Однажды, усталый, как осень,
С бессонной свинцовостью век
Я брел, как дожди по откосам,
На главный откаточный штрек.
Шуршал на конвейере уголь,
Легко в вагонетки стекал,
Их очереди упругость
Невидимый кто-то толкал.
Но вот люковая явилась,
У кнопок прошлась неспеша.
Мне сердце огнем окатило—
Была она так хороша!
Я начал о чем-то калякать
(Наверно, о шахтных делах),
У ней же лукавым кривлякой
Бесенок вертелся в глазах.
О, как ей все было понятно!
И, это имея ввиду:
— Я с четверга, вероятно,
В начальную смену уйду.
— Так, значит, работать нам вместе?
Я лампу в петличке верчу.
— Конечно, с утра интересней.—
Смеется.— Я с вами хочу.
— Ого! Так встречаться давайте,—
Сказал и себя не спасти.
— Ну что ж... но я влюбчива, знайте,
Могу далеко завести...

Я жизнь свою часто листаю,
Но в ворохе лет прожитых
Те, шахтные шесть, как читаю,—
Прекраснее не было их.
О, как же раскованно-чисто
Живешь ты, все в мире любя,
Когда в этом лете росистом
Отчаянно любят тебя!
Из пынчешней стынищей дали
Я вижу сквозь зыбкую тиши,
Как сбросив заботы, печали,
Ко мне на свиданье летиши.
И жгуче, без накипи фальши,
Поправив упрямость волос,
Ты тайну приветствуешь нашу,
Целуя до боли и слез.
Ты шепчешь: «Мне Валя сегодня
Сказала украдкою днем,
Что так поступать, мол, иегодно
Замужней—играю с огнем.
А мне-то и нравится это!
Я зависть бабенки любой
Готова стринуть ответом:
Ты, дурочка, знала любовь?».
...Кренились и гедали косо
В душицу и клевер хмельной
И шепот, и лес, и вопросы,
И вечер, как храм расписной.

5.

Ну, а время свою телегу,
Кряхтя, подвигало вперед.
Вытаскивал март из-под снега
Пятьдесят необычный год.
Нар пьяницацкий, голубоватый
Над недальним всглавывал бугром,
Неожиданно пятого марта
Грянул с ясного неба гром,
Нет, не весний, не натуральный,
Что грохочет, как сто мортир,
Это гром был иной, печальный
И ударивший в целый мир.
Затаила страна дыханье.,.
Что ей думалось в этот час,
Когда медленный и державный
Взгляд его навсегда угас?
Я не буду играть в натяжки,
Что увиделось—вот оно;
Одному было горе тяжким,
А другому... да все равно.
В день, когда его заносили
В тихий Ленинский Мавзолей,

Как сирены вокруг вопили!
Так по матери по моей
Не рыдали гудки могуче
За большие ее дела
И за то, что в России лучшей,
Может, труженицей была.
Я в убогую библиотеку
Шел просиживать выходной.
Встречный дед разморгался веком:
— Это что же, сынок, за вой?
Что ты, старый! Хоронят Сталина!..
Как загадочны старики!
Я расстался с ним, он же странное
В спину врезал мне: «Дураки!»
Впрочем, странного вовсе не было,
Ни кулак был, старик, не враг,
Просто знал он о страшной небыли,
Что так кратко звалась: ГУЛАГ.
Просто знал он иных пораньше,
Как цветет над страною ложь,
Как смердит у двери параша,
Как свистить это слово—«вождь».
Ну а вечером по квартирам,
В окна спихивая галдеж,
Несдержимое покатилось,
Пс-сегодняшнему—балдеж..
Пили немцы, татары пили,
Пили эжи—эй, будь здоров!
В предрассветие песни плыли,
Что-то сыпалось с потолков.

6.

Дом наш совсем неброский
(Восемьдесят холостяков)
Врезан у перекрестка
В стаечку топольков.
Диваны перед парадным,
На них-то вся наша рать
Любила болтать о разном
И истину добывать.
Кто-то из бывших флотских,
Водки за ворот влив,
Пел под баян охотно
Лещенко «Журавли».
Концерты порой такие
Мы задавали тут,
Что буги забыв лихие,
Слушать, глядишь, бегут
Девочки. Местные, ясно,
Лезли вовсю в пузыри,
Но лезли они напрасно—
Мы знали бесед азы.

Великое было братство!
Не знал я потом тесней.
У нас презиралось барство,
Наказывалось, точней.
Бывало, карман кому-то
Проест до зарплаты мышь,
Нам видеть бывало муторно,
Как светит оттуда шиш.
Но не вголзай в унылость,
Друг ты наш, е-мое,
Принцип железный в силе:
Наше—оно твое.
И безо всякой шутки
Кухонки нашей свет
Часто на целые сутки
Ее превращал в буфет.
Где ты, в какой дороге
Ладная та семья,
Та, с которой в ногу
Молодость шла моя?
Часто в квартирке скромной,
Расположясь у огня,
Вспомню всех поименно...
Вспомните ли меня?

7.

А любовь наша стала горше,
И это не потому,
Что счастья огромного ища
Не го плечу одному.
Я нес бы и нес бесменно,
Катил бы ее, наконец,
Но в нашу с Любой поэму
Вмешался ее отец.
Горный толковый мастер,
В деле своем поэт,
Он резко нашему счастью
Затворы поставил: нет!
— Ты знаешь, вчера под вечер
Мне долго одной твердил,
Если не кончишь встречи,
Из дому уходи.
Ну как ты, кричит, мне, смеешь
В подъезде толпиться с ним,
Когда и мужа имеешь,
И вот подрастает сын.
Ну что я могла ответить?
Краснею, сижу. Молчу.
К тебе я пришла за втим,
Что скажешь, я знать хочу.
«Вот это, браток, экзамен!!!» —

Тоскливо подумалось так.
Стоим мы глаза с глазами
И речь не начнем никак.
Я слышу, как между нами
Стеклянный качнулся звон,
И дышим как будто в раму
Декабрскую с двух сторон.
Шум в голове, как в чаще,
Сердце пошло в скачки.
— Любя!.. И ком садящий
Дыханье закрыл почти.—
Милая! Любя! Боже,
Не надо сейчас о том!
Я шепот ее тревожный
Ловлю воспаленным ртом...
..Неделю ее не видел,
Увидел—взглянуть боюсь.
— Прости и не будь в обиде.
Я с Сашею остаюсь...

8.

Ах, как мы прирастаем
К местам, где в свой черед
Душою в высь взлетали,
По жизни шли не вброд.
Стою и на окрестность
Гляжу из-гэд руки,
Вся нашенская местность
Столпилась у реки.
Лепечут липы мудро
Над самой над Упой,
Их ТЭЦ порою пудрит
Подветренной золой,
Гирляндочкой бананов
Шесть лодок на песке,
«Какой конец бацальный!» —
Я гальцы жму в тоске.
Ну, что же, у чужого
Моститься у костра
Не стоит. Для иного
Готовь дрова. Пора.
Когда бинты присохли,
Их лучше снять рывком,
Раз перстерпиши, охнешь,
Зато потом легко».
Наутро с заявленьем
На шахту я пришел.
Начальник с удивленьем
Глядит, нехорошо.
— Ты шо же, брат, тикаешь?
А нам тут як же быть?

Усих кораспускаю,
А хто ж буде робить?
— Но у меня причина.
И я ему не лгу.
— Тоби расчет, хлопчина,
Я дати не могу.
— Тогда уеду проще —
Без книжки трудовой.
— Ну что ж, коли так хочешь,
Езжай, давай, не стой.
А в книжицу бесспорно
Внесем ориентир,
Шо ты сбежав позорно,
Ну то... як дезертир.
— Ну что ж, пишите. Ахать
Не стану. Не дано.
В гробу видал я шахту
С тобою заодно.
Нашла ксса на камень,
Он груб и я грубил.
Я связь с былыми днями
Как трос перерубил.
Перерубил жестоко.
О, если бы мне знать,
Что не придется только
Концы уже связать.
Шагая по нарядной,
Я сменим мужикам
Сказал слегка эстрадно
Обычное: — Пока!
Но все же за оградой,
Уже за проходной,
Вдруг стало безотрадно
В душе и за душой.
Но чем себя утешишь,
Когда свалил мосты?
Я шел в поселок спешно,
Весь погружен в мечты...
Нам жалко до слез терять,
Что пожито трудно было.
И все-таки — благодать,
Что было да скоро сплыло.
Все это не враз поймешь,
А только потом, с годами,
Когда сам к себе придешь
С выцвятыми глазами.
Я тоже ведь не умел,
Да разве тогда хотелось
Знать цену поступков и дел,
Всему, что вокруг звенело.

Во мне суетилась кровь
И мнилось мне, не скрываю,
Что будет сильней любовь,
А жизнь—без конца и края.
Но нет. Цепочку страстей
Перебирая, как четки,
Увиделось: жизни моей
Ох, как же года коротки!
Так не потому ль теперь,
Когда эта была в тумане,
Воспоминаниями потерять
Бываю смертельно ранен?
Не потому ли, когда зарю
Вывесят над Турксибом,
Я прошлым мысленно говорю
И тихо шепчу: «Спасибо,
Семёнова Люба, за боль,
За праздник теперь далекий.
Первая шахты, и ты позоволь
Сказать—за твои уроки.
Спасибо за то, что в судьбе моей
Вы обе когда-то были
И жизнь мою вот до этих дней
Согрели и созрили.

1988 г.

Гостья

ПОЭМА

Памяти матери моей
Анастасии Ивановны Поляковой.

I.

Был день как день.
Синели небеса.
Псц ними степь
Усталая белела.
Дымок из труб
Наш крышами вился,
и каждый делал
будничное дело.
Трещал в приемной
чёрный телефон,
гомель народ,
носясь, редакционный.

А он сидел,
в раздумья погружен,
в черновики глядел
реакционно.
Да черт возьми,
как будешь тут не зол,
когда Лопаткин,
склонный к стихоплетству,
на спет с утра
такое произвел,
что приписать
возможно к идиотству.
Не очерк выдал—
свалку диких строк...
Но хоть сто раз
ты становись неистов,
проблем все тот же
катится клубок:
где взять в селе
толковых журналистов?
Скажи спасибо,
что такие есть,
хоть на таких
да держится газета.
И входит ручка
в рукопись, как в лес,
где нет почти
от сущняка просвета.
О каторга
широкого стола!
До полночи
томительные бденья...
И вдруг обычность
трель разорвала,
корректорское
смяв оцепенение.
Девичий голос,
праздничный такой,
дохнул известьем:
— Вам тут телеграмма.—
«Встречайтесь. Поезд
семьдесят второй.

На месте буду
в воскресенье. Мама». .
Притихло сердце,
будто замерев,
потом пошло
гудеть и колотиться.
Так что, январь
сегодня на дворе?

Перечеркнуть!
Январь тут не годится!
Апрель кругом!
Веселый и сырой,
пьянящий, как вино,
и синий.
Из сказки детства
вечно золотой,
вы слышите,
мать едет к сыну!
А ну-ка, зам,
впрятайся в дел арбу,
давай не будем
ныть и канителить.
Тебе права,
и никаких табу,
распрягся шеф,
быт может, на неделю...

II.

До встречи час.
Пора и поспешить.
К двум ночи стрелка
медленно крадется.
А на дворе
мороз вовсю трещит,
крещенским он
по-старому зовется.
Но как бы там
не ликовала лютъ,
а в драндулет
редакционный надо
тепло бензина
поскорей вдохнуть,
чтоб выхлопная
заклубилась чадом.
Но заведи его
попробуй, сноб
(крутить под силу,
если пообедал),
когда он вовсе
не машина — гроб,
райкомовский
заезженный объедок.
И все же чхнул он,
кашлянул и вот
мотор бубнит
мелодию все тверже.
Теперь — за руль,
по газу и вперед,
вон поезд ночь

уже лучами режет.
...Шумит перрон,
как на ветру сосна,
свет фонарей
из тамбуров струится.
«Нет, не она...» —
и это не она... —
смь шепчет, жадно
вглядываясь в лица.
Пробив толпу,
как дыню острый нож,
в конце перрона,
наконец, заметил
фигурку он.
И окатила дрожь —
одна похожа
есть на белом свете!
Над чемоданом,
с сумкой вперемет,
стоит, в своем
приезде сомневаясь.
У сына сердце
плачет и поет:
нежданная,
единственно — родная!
Он к ней щекой
холодною приник.
О, как мгновенно
обступили дали!
О, как пахнуло
забытым на миг
от индивелой
старомодной шали!
— Ну, как дорога, мама?
Как дошел
ваш пеезд? Вас
пурга не заставала?
— Да ничего, сыночек,
хорошо,
вот больно ехать далеко.
Устала.
— Теперь ты дома.
Вволю отдохиешь.
На наш порядок
поглядишь целинный.
Пойдем. Тут ходу,
в сущности, на гроши,
нас ожидает за углом машина,
Устроились.
Довольна мать вполне.

И понеслась под шинами
дорога.

— А это что же
светит в стороне?

Куртка огней-то
почему так много?

— Совхозы, мама.

Хлеб мы тут берем,
мы тридцать лет

не зря же гнули спину.

А впрочем, что ж,
до утра доживем
и ты увидишь
полную картину.

III.

Гостить приятно,
что там ни скажи,
у близких нам
да и не близких очень.

Ласкает душу
гостевая жизнь
и никаких подвохов
не пророчит.

Уж две недели
минуло с того,
как мать в сыновья
отдыхает дома.
Уж нагляделась,
кажется, всего,
видала степь,
дороги ну и кроме.

Ей все сынок
старался показать,
катал по селам
и аулам долго,
но так и не
сумел он увидеть
в глазах ее
и на лице восторга.

А он-то думал:
«Вот побудет тут,
с народом потолкует,
приглядится,
глядишь, возьмут
ветра и повернут.
глядишь, решит
сюда переселиться.
Наш дом бы стал
и гнездышком ее,
и одинокость
с нею б распостилась...».

Об этом речь он
исподволь повел,
когда беседа
за столом курилась.
— Прости, сынок,
и ты прости, сноха,
уж коль удобный
повод подвернулся,
не стану брать я
на душу греха,
скажу: не очень
край ваш приглянулся.
Да, широко,
привольно тут у вас,
таких степей
я сроду не видала.
Но вот глядишь
и не зацепишь глаз,—
тут будто телка
все поприлизала.
Ну и буран...
Он напугал меня,
ну как вам может
нравиться такое,
когда сидите
по четыре дня:
без хлеба — вы,
а скот — без водолоя?
Нет, нет, сынок,
уж вы живите тут,
а мне, видать,
не изменить натуру,
прельщать ни волей
вы не тратьте труд,
ни этим самым...
как там... Байконуром.
Сам Бог велел
мне, видно, доживать
в углу родном
последние денечки.
Лежать мне там,
отец где мой и мать,
где вся родня
локонится в рядочке.
Ты помнишь маше
кладбище, сынок,
что над оврагом
с прозвищем Герелый?
Уж я на нем
замедни как-то впрок

себе местечко
даже приглядела...
— Ну что ты, мам!
Ты душу не мочишь.
— Так чую ведь,
что песенка пропета:
Втекала в окна
сумерек печаль.
Их разговор
закончился на этом.

IV.

А матери скучнее
с каждым днем,
тоска уже
граничить с полубредом.
— Давай по лавкам
как-нибудь пройдем,
да я на днях,
пожалуй, и поеду.
Увещевать?
Напрасные труды —
она давно
сама с собой решила,
все уговоры ей,
как знак беды
и доводы,
как боль, немилы.
И в магазины
сын ее повел,
на все глядит она,
как на смотринах.
И очень что-то
привлекло ее
одно: в углу
стиральная машина.
Она не раз к ней
тихо подошла,
потрогала,
погладила руками.
Потом печально так
произнесла:
— Куплю я вам,
наверное, на память.
— К чему? Зачем? —
в растерянности сын.—
Мы же не бедны,
в конце концов, деньгами.
— Одно, сынок, —
приобретете вы,
совсем иное —
дареное мамой.

Пришлось смириться
и домой нести
тот аппарат
с клеймом аллаатинским.
И мать, как будто
грех кто отпустил,
опять лицом
спокойна и не мглиста.

V.

Но день тот горький
все-таких настал,
хоть, как могли,
его и отдаляли.
И снова сборы,
суета, вокзал
и выброс рельс
в незедомые дали.
Билет оформлен.
Остается миг,
один лишь миг
из тысячи мгновений,
когда «Входите»
скажет проводник
и мать взойдет
на мерзлые ступени.
Взошла. Ей трудно
с сердцем совладать,
глядит и взгляд...
О, лучше нож по коже!
И чтоб при людях
вдруг не зарыдать,
крепится сын,
как мужики мы можем.
И слышит он,
как с всхлигом пополам
«Хран вас Бог!»
она проговорила.
Поплыл вагон,
дав отпуск тормозам,
и все в сугробы
будто провалилось:
вокзал, дома,
перронная толпа,
огней больных
желтеющие гроздья,
лишь продолжало
небо осыпать,
как слезы, в тиши
синеющие звезды.

VI.

День выходной.
Как разверстать его?
Он каждый раз
другой, не под копирку.
Сто разных дел,
но все же меж всего
жена опять
обрадовала стиркой.
Гудит машинка.
Плещется белье.
Но даже в этой
суматохе чадной
все сыну кажется,
что сквозь былье
все повторится,
как давно однажды.
Ему все кажется,
вот мать войдет
и скажет, вечера
нарушив прозу:
«А месяц нынче
в обруче плывет,
примета есть:
к великому морозу».
И как тогда,
присядет у стола
и поведет
простецкую беседу
о том, какие
под Орлом дела,
как там не любят
тоже дармоедов.
О всех его
поведует друзьях,
напомчит вскользь
о той, о незабытой...
Да нет, прервалась
за Урал стезя,
плитой надгробной
тропка перекрыта.
Все так и есть,
как виделся ей,
как говорила
с мудрою отвагой,
лежит она
под сенью тополей
на склоне том
Горелого оврага.
Порой глядит
она через эмаль,

что покрывает
надмогильный снимок,
слегка прищурясь,
в призрачную даль,
но разглядеть
никак не может сына.

1991 г.

Ак-бидай

(души лирические старты)

1. ЕДЕМ

Даль зеленая и синяя
Третий час в глаза плывет,
Будто по авиалинии
Наш автобус нас несет.
В окнах реют занавесочки,
Ветер лица холдит.
Что нас, мальчики и девочки,
Ожидает впереди?
Взлет? Победы? Поражения?
Юный люд, не унывай!
Спорту честное служение
На сомненья не менай.
Нам сомненья не помощники—
С волей наш святой союз...
А колеса-мотогонщики
Все поют свое, поют.
За автобусом, заверченный
Словно выхлопов угар,
Оседает в травы встречные
Звон отчаянный гитар.

2. ПРИЧАЛ

Так войско, наверно,
Вступает в аврал,
Когда объявляют
Желанный привал.
Все вдруг начинают
Усердно сновать,
Чего-то и где-то
Искать, добывать.
Тот тащит матрацы,
Тот стойки, бруски,
А этот с палатками
Вьюки-tüки...
Немолкнувший говор,
Дымки, огоньки,
И весело всюду
Стучат молотки.
Он длится и длится

Шумок деловой.
Вон месяц у всех уже
Над головой,
С полночного неба,
Прищурясь, глядит:
Кто город там новый
В степи утвердил?
Палаточный город
В семь улиц рядком?
Да кто же, мы сами
Свой строили дом.
Недолгая родина,
Будь не горда,
Ты в сердце и память
Войдешь навсегда!

3. УВЕРТИЮРА

Шум трибун неугомонный
Пересилил гром фанфар.
И взметнулся стознаменный
Над дорожками пожар
Всех республик флаги реют
И торопят бой сердец.
Бережно проносят «греки»
Олимпийских пять колец.
Вот степи моей джигиты
(Как летящ лошадок бег!)

В Кызы куу с ветрами слиты—
Это ли не женельтек!*

Много символов на поле
На футбольном—зной гляди.
Тут и наша в прошлом доля,
Ну и доля впереди.
Но вершинно и достойно,
Вглядываясь, как в века,
Вдруг живой воздвигся воин
С девочкою на руках.

Мир и спорт. Неодолимость
Их не раз изведал враг.
Спорт и мир неразделимы,
Было, есть и будет так!
Ну так здравствуй, праздник ловких,
Сильных, дерзких, молодых.
Пусть вольется добрым словом
В дни твои вот этот стих.

*Женельтек (каз.)—ловкость, удаль.

4. БЫСТРЕЕ! ДАЛЬШЕ! ВЫШЕ!

Стадион от края и до края
Разноцветьем маечным цветет.
О, работа трудная такая
Нынче здесь под флагами идет.

На дорожках беговых, на кортах,
На коврах борцовских, на воде,
Спор во имя утвержденья спорта,
Спор идет повсюду и везде.
Как прекрасны стройные спортсмены!
Как спортсменки чудо-хороши!
Здесь портрет с любого вдохновенно,
Если ты талантливый, пиши.
Будет он дейнековских не глоше...
Вот судья провозглашает счет,
Он сейчас расскажет о хорошем,
Что рекорд добыт один еще.
Их, рекордов, много нынче будет,
Только нам считать их не с руки,
Мы другое знаем: коль добудем,
Значит, мы здоровы и ловки.
Ну, а это—главное, ребята,
Так держитесь формулы своей:
Помоги сопернику, как брату!
Дальше! Выше! В яблочко! Быстрой!
5. ПАУЗА
Какая ночь!
Луна горит
на полпланете зrimая.
Не спорьте с нею,
фонари,—
оча сегодня
примою.
Затих горластый наш
причал,
качаясь в сновидениях.
А у меня в душе
свеча,
свеча стихотворения
мерцаает
из моих ночей
в глаза мои
уставшие.
— И ты бессонствуешь,
Андрей?
— Не говори...
не спрашивай...
Но нам же раскисать
нельзя,
катиться вниз
по роликам.
Послушай, Меркель,
ты бы взял
гитару в руки
что ли бы...
76

И вот толпятся
у скамьи
уже аккорды робкие.
И вот ночные
«соловьи»
между палаток
тропками
спешат сюда,
на край села,
на звуки струн
приветные.
Вспорхнула песня,
поглыла
над степью
предрассветною.
Плынет она
не из кассет
душевно и возвышенно,
плывет, как этот
зорний свет
над тихою
Возвышенкой.
И не беда,
что близкий день
не выходным виднеется,
ты в мужество себя
одень
и все преодолеется.

6. ПЬЕДЕСТАЛЫ

Пьедесталы, пьедесталы...
Все неслыханно устали.
Но еще творцам рекордов
Предстоит осилить гордо
Три ступеньки друг за другом,
Встать в шеренгу гэ заслугам,
Ощутить, от слов хмеля,

Холод ленточки на шее,
Ощутить медали тяжесть,
Что на грудь как солнце ляжет,
Славы, наконец, моменты:
Этот гром аплодисментов,
Репортерских камер блики,
На трибунах чутких крики,
По горячему по следу
Сладко пережить победу.

Пьедесталы, пьедесталы...
Это мы на вид устали,
Но душой и телом снова
К невозможному готовы.

7. НОСТАЛЬГИЙНОЕ

Отшумел, отцвел, как лето
Праздник твой и праздник мой.
Очень грустно слово это
Произносится: домой.
Как хотелось бы, чтоб длился
Тех же дней круговорот,
Суетился и трудился б
Из далеких сел народ;
Так же б добрые знакомства
Связывались узелком,
Говорили все бы просто
Всем понятным языком.
Но, увы, не возвратится
Ничего из этих дней,
Лишь однажды повторится
Ак-бидай в душе моей.
Он пройдет перед глазами
Медленно, не на скаку.
И почувствует вдруг память
Неподдельную тоску.
Встрепенусь я и под ветром
Прошлой дружбы и борьбы
Начерчу железный вектор
Собственной своей судьбы:
Если смертный выйдет случай,
Рухну, но не как иной
От инфаркта, а уж лучше
На дорожке беговой.

Ни медалям не верю, ни грамотам
И молве не поверю вовек—
Не по этим—каким еще шкалам там
Милю ценишься ты, человек.
О любом я сужу не по силе,
Очень правильно смог ты прожить.
Если выпила тебя до могилы
Не одна лишь родня проводить.
Я всегда (может, это не кстати)
Вспоминаю, как в горе бела,
В стуже той, от дыханий косматой,
Вся держава за Лениным шла.

Нинка

Только день чуть прикроет блаженно
Поволокой вечерней глаза,
Не скрывая тоски откровенной,
Ты приходишь на автовокзал.
В ожидании встречи обещанной
Вся в томленье, как в девичьем сне,
Ты стоишь, белокурая женщина,
От чужой суеты в стороне.
Только нет, не видать непутевого,
Кому было подарено «мой»...
И по запахам вечера теплого,
Не дождавшись, уходишь домой.
В твоем домике тихо и прибрано,
На стенах с фотографий простых
Трафаретно смеется твой избранный
Над щеткой ожиданий твоих.
Ты присядешь, быльм разволнована,
Глупость пьесы понявши, вздохнешь,
И рукой, им когда-то целований,
Фотографии в клочья порвешь.

Начное купание

На пугливой черной глади
Колдовская россыпь звезд...
Плечи зябущие гладя,
Выбегаю на комост.
От помоста до плотины,
Там, где светится ветла,
Через плеск и кряк утиный
Тропка желтая легла.
Не зовет тропа, ворожит...
Трусить что ж? Реке я свой.
И смыкается безбожный
Холод ночи надо мной.
Выплываю. Блеск кругами.
Звезды теплятся на дне.
Мирозданье раздвигая,
Я глыбу, плыву к луне.
Я плыву, вздымая яро
Крылья рук над головой.
«Не доплыть!» — с коряги старой
Вслед хохочет водяной.
Он хохочет, а деревня
Ткет из хохота молву...
И кричу я, будто в древность:
— Эгей-гей, я доплыву!

В Михайловском

Ну вот, брат Пушкин,
мы и в ссылке,
рассчет царя
не так уж прост:
прищучить наших
мыслей пылкость,
спровадить душу
на логост.
О, нет,
романовского клана
какой по счету там
гонец,
ты отпевать нас
взялся рано,
о двух концах
всегда конец.
К чертям
чугунное унынье
и одиночества угар!
Не вы союзники
отныне,
не вам в закланье
божий дар.

Ведь кроме
чопорной псеволи
и тех,
паркетных подлецов,
есть
и Калашникова Оля,
есть и народ,
в конце концов,
с его
и хохотом, и плачем,
с его
надеждою на свет.
На это должен быть
расстрачен
пыл сердца весь,
коль ты поэт...
Ах, сколько
замыслов ронится,
и каждый —

глыба, не пустяк.
Вот только
десять дней кружится
у дома нянькина
Бошияк.
Посланец тайный
Бенкendorфа,
он все вынюхивает,
тварь,
о чем певца
глаголет арфа,
его к аресту
не пора ль?
Вчера
игумена Иону
пытал дотошно, долго,
пьяни,
а к трону ль Пушкин
благосклонен,
не возмущает ли
крестьян?
Ему
ответствовал затворец,
к чему что
зная наперед:
«Себя, скажу вам,
стихотворец,
как девка красная
ведет».
Бошияк уехал.
В вечер дымный
его умчали кучера,
и стало все
не анонимным:
ожили
щупальцы двора!
Ну, что же,
главный спрут России,
теперь мне ведом
мой удел,
но нас
Отечество-messия
рассудит,
кто о чем радел.

Памяти бабушки

День звенит и цветет
Голубым и зеленым,
самолет в вышине
ткет холста полосу,
а тебя на простых
рушниках побеленных
по деревне притихшей
степенно несут.
Как? Куда? Почему?
Что случилось, Андревна?
Отчего ты молчишь,
рук недвижность скрестив?
Может, все это сон?
Может, шутка, Андревна?
Может, все это бред—
причитаний мотив?
Ладно сделанный гроб...
Нет! Все это неправда!
Ну-ка, встань, улыбнись,
золотая моя!
Посмотри-ка, как кружала
вспыхнувших радуг
опоясали рощи,
дома и поля.
Значит, литься дождям,
быть хлебам без помехи.
Ты вставай,
Я немножко тебе помогу.
Я ведь в отпуск, Андревна,
сегодня приехал,
я в таком пред тобой
неоплатном долгу!
Поднимайся, пойдем
в нашу старую хатку.
Что с ней стало? Наверно,
осела совсем?
Я тебе расскажу
мою жизнь по порядку,
как я стал, где, когда
в этой жизни и кем.
Ну, а ты еще раз
проведешь меня в детство,
как за ручку когда-то
водила в голя,
где с горохом овсы
бушевали в соседстве
и дурманно дымила
пильцой конопля.

Нет, молчишь ты,
И сердцем
я все понимаю:
ты не встанешь уже
никогда, никогда.
Ну зачем ты, зачем,
мою душу сминая,
накатилась средь лета
лихая беда?
Что я сделать могу,
дорогая моя ты?
Вот могильщики кончат
работу свою,
с онемевшей душой,
опершись на лопату,
у креста на прощанье
один постою.
Постою, погорюю,
тихонько поплачу,
посмотрю,
как над кладбищем
кобчик кружит,
и подумаю, что я
для Родины значу,
и отчалино стану,
наверное, жить.

Войны не глохнувшее эхо

1. ХЛЕБ.

Коневник*, растерзанный в ступе,
Отрубей горсть, лебеда...
Хлебом считать это глупо?
Верно, не хлеб, а беда.
Но не было хлеба иного.
Так что же, прикажете выть?
Да нет, не надеясь на бога,
Вставали мы жить и любить,
Косить мы вставали и строить,
Изрытые нивы пахать,
Не числить друг друга в героях—
Надежду друг в друга вдыхать.
Те годы остались за дымной
Прошедшей сквозь душу чертой,
Но многое не анонимно
Явилось оттуда со мной.
Вот странность одна и поныне
Преследует поутру:
Когда в угловом магазине
Я хлеба буханку беру,

То улицей, синью залитой,
Сквозь будничный гомон и шум,
Как золота найденный слиток
Тот купленный хлеб проношу;
Как первого в жизни ребенка,
Не в сумке, не навесу,
К груди прижимая, где громко
Колотится сердце, несу.
И что-то поделать с собою
Мне силы уже не найти:
Я слишком ценой дорогою
За странности все заплатил.

2. СОЛЬ.

Уверяю,
Без соли
Не сваришь
Ни один стихотворный обед.

И. УТКИН.

Уж если обед стихотворный
Без соли никак не сварить,
То как же тогда смехотворно
О супе простом говорить!
Но где ее взять? Подскажите.
А впрочем стараешься зря—
Сейчас через рощу и жито,
В которые льется заря,
Я сам побегу в деревушку
С червонцем, зажатым в кулак,
Там встретят меня у избушки
Заезжий один вурдалак.
Живет он моментом и мигом,
Считает обузою труд.
Его бессердечным барыгой
Презрительно бабы зовут.
Сюда наезжает он часто
Мешками обвшанный весь,
Всегда для убогого счастья
В них разная-разница есть...
Он хищно деньги помусолит,
За что-то кого-то ругнет,
Но серую пригорюю соли
Мне все же в подол сыпает.
И вместе с сиянием кристаллов
(О матери мысли: «Спасу!»)
Я в дом наш приземистый старый
Неслыханный граздник внесу.
Ту соль мать в тряпичу завяжет,
Присядет на стул, паконец,
Сквозь десны распухшие скажет:
«Спасибо, сынок. Молодец».
От этого слова-изюма

В тех давних отчаянных днях
Во всей деревеньке угрюмой
Не будет счастливей меня.

3. ОГОНЬ*

По какой-то злой привычке
Иль наученные кем,
Что такое в жизни спички
Мы забыли насовсем.
Мы забыли. А ведь надо
Печь в конце концов топить,
Значит, надо бедолагам
Как-то нам огонь добыть.
Дело плохо (знаем сами),
Только выход есть вполне
(Для чего же пацанами
Шли тогда мы по войне?):
Вон зарядов орудийных
Сколько всюду — ого-го!
Размахнешь одним и двинешь
О бревно — и ничего,
Отлетит снаряд в сторонку,
Ну, а в гильзе, насычен,
Порох будто та соломка,
Словно снопик макарон.
Вынимайте и за дело,
О балансину крыльца
Трите проволоку смело,
Взяв ее за два конца.
И как только накалился
Металлическая нить, —
От касанья загорится
«Макарон» — не потушить...
...Очень многое забылось,
Что-то тлеет, боль чиня...
А вот пороху хватило
До сегодняшнего дня...

* Коневник (орл.) — конский щавель.

■

Саша Аккерт, слухи бродят,
в них слова нехороши,
что с кино ты кончил вроде,
все софтины потушили.
Саша, брось ты! Страшно верить!
Старый друг, остряк, мастак...
Чем мне боль мою измерить,
как с нелепою потерей,
ну, скажи, мириться? Как?
Нить порвалась...
А давно ли,

злаки в вазе подсветив,
Ты в моей квартире вольной
так удачно довольный
перед съемками шутил:
«Слушай, дед, ты не перечь мне,
наведи-ка марафет,
я тебя увековечу—
ты поэт иль не поэт?!».
Саша, слух мне душу выжег.
Сжег ее. Душа в золе.
Вот проектор кадры нажег,
но на них тебя не вижу.
Нет теперь и на земле.
Тихо. Пусто. Дни убиты...
Но, мощнее, чем заря,
в моей памяти несмытой,
Саша, все твои софиты,
негасимые горят!

Этюд

Ночь.
Мороз.
Бездонье.
Тишина.
Лишь
луна-красавица
на салазках голубых
с облака катается.

Мой поселок степной

Ты не кленовый и не вязовый,
Мой поселок степной Тимирязево.
Тополиный ты, голубиный ты,
Небеса твои ветром вымыты.
По весне-красне, летом розовым
Весь окрикан ты криком-грозами.
Поперек и вдоль—дни—неделями—
Ты продут-прожжен стынь-метелями.
Знаю, цветь тебе в садов кипени
В золотой степи добрым именем.
И шагать в гостор новостройками...
Но отпущен песен сколько мне?
Может встреча та (годы грудятся)
С твоим будущим и не сбудется,
Но в буранных днях греюсь верою

И в твою судьбу все же верую,
И пою с того доверительно
О земле людей удивительных.

Стихи веселые

Но когда виски седеют,
Утешает только песнь.

Ким Су Джан

Вечер теплый. Синий-синий.
Дергачи скрипят.
Девки, смелые, как дыни,
У ворот сидят.
На скамейках самодельных
Шекоток, хи-хи.
Черт возьми и в самом деле,
Где вы, женщины?
Впрочем, я и сам не прочно бы
Взвиться петухом,
Провести шальную ночку б...
Только...ох-хо-хо,
Ноют тупо все суставы,
Стати вовсе нет
И в груди шумит отрава
Тыщи сигарет.
Так уймись, душа и зависть,
Не пульсируй, кровь,
Нам одно теперь осталось:
Чью-то петь любовь.
И шагаю я деревней,
Ноги волоча,
И скриплю на тот манер я
Птицы дергача...

Памяти Виктора Литвинова

...А было сердечное: —Юра...
А было теплейшее: —Вить...
И дружбы житейские бури
Сто лет не смогли бы сломить.
И все-таки так получилось,
Что вместо беседы с тобой,-
Сижу, как над свежей могилой,
Над этой прощальной строкой.
А город— по-старому Верный—

В цветах весь и весь в голубях.
Ах, Верный, улыбчивый Верный...
Ну что он теперь без тебя?
Я память от строчки вот этой
Не в силах ужу увести.
Когда это? Где это? Это...
Заходится сердце... Прости...

Стихи о белой лошади

Отскакала, видно, отвозила
На телегах чье-то бытие,
Удивляя красотой и силой,
По земле отцокала свое.

Гамаком от старости просела
Молодая некогда спина.
Стерлись зубы. Ну да что за дело?
Отслужила—значит, не нужна.
...Погрузили в кузов, привязали,
Грузовик, захрюкав, покатил.

Знали все—одна она не знала,
Что назад не будет ей пути;
Что сегодня там, на комбиннате,
Где от рева пробирает дрожь,
Некто в замусоленном халате
Ждет ее, натачивая нож;
Что бухгалтер старший или главный,
Роясь вяло в бланочной пыли,
Жизнь ее угрюмо и бесславно,
Морща лобик, перевел в рубли.
Он подбил все, подсчитал заранее
И подшил в пудовые «дела».

Ну, а лошадь белым изваянием
Над дорогой все еще плыла.
И глазели встречные шофера
Будто бы на бога самого
И сбивали бешеную скорость.
Ни о чем не знал ничего.

Не цвети ты, акация, цветом разлуки,
Над травою сережки свои не качай,
Я давно ведь забыл ее тонкие руки,

Я слова позабыл, что звучали в ночах.
Я забыл перестук каблучков торопливых,
Что звучали на сердце, как песня судьбы
И волос ее рыжих шальные разливы...
Боже мой, как я много всего позабыл!
Да, которому были сто лет по плечу
И не легкая ноша не ношу — мудрость,
Но оттуда вернуть ничего не хочу.
Да и кто же вернет? Это сущая ересь,
Этой чуши в романах всегда благодать.
А ведь есть в увлечении нега и прелесть,
Только надо их сирдцем своим увидать.
Потому не спеши желтым цветом разлуки
Над травой голубую, акация, цветь,—
Каблучков перестук есть и тонкие руки,
И не прошлость, а будущность долгая есть.

■

Я начинаю прозревать
И жизнь с изнанки узнавать.
Я стал ловить себя на том,
Что я, как заяц под кустом:
Пока неахнут два ствола,
Не знаю, кто меня стерег.
Я не был, и сейчас не бог,
Но был наивен и смешон,
Когда ребенком к людям шел
С простым улыбчивым лицом,
Не зная, сколько подлецов
Живет спокойно на земле.
Я стал их почерк узнавать.
Я начинаю прозревать.

Тонька

Вдоль деревни тропкой по-наддомною
Под гитар и мальчиков галдежь,
Тонька, Тоня, женщина бедовая,
Ты, закатным августом идешь.
Пахнет вечер донником и грушами,
Окна в бликах гаснущей зари.
Подожди, постой, давай послушаем,
Нам былое что-то говорит.
Колесо воспоминаний шаткое...
Ах, я знаю, все это не новь,
Это сказка милая и краткая
Про твою да про мою любовь.
Мы ее с тобой такую древнюю
Ведь когда-то знали наизусть,

Помнишь? А теперь вот над деревнею
Не закаты догорают — грусть.
Да, осели, рухнули без времени
Наши замки—щебень да пыльца.
И остался в память только врезанным
Абрис тонкий смуглого лица.
Ни обиды на душе, ни горечи,
Чувств ручей запутался и стих.
Все ушло, растаяло, как в полночи,
А вернуть—заказаны пути.
Вдоль деревни тропкой по-наддомною
Под гитар и мальчиков галдеж,
Тонька, Тоня, девочкой бедовою
Ты в года забытые идешь.

■

Есть три святыни,
три имени в мире.
нам голову вечно
пред ними склонять;
великое—Хлеб,
дорогое—Отчизна
и третье—
бессмертью подобное—
Мать.

■

Представьте, стал я стареньkim,
Кряхтя, вселился в валенки,
Уселся на завалинке
И чтобы не скучать,
Я трезвых ну и пьяненьких,
Хороших ну и дрянненьких.
И в возрасте, и маленьких—
Всех начал поучать:
— Живете вы стремительно,
Порою угзительно,
Но чаще омерзительно,
Все рубите сплеча.
Как будто — поразительно! --
Решили вы мучительно
Добиться исключительно
Названья: саранча.
А надо жить по совести,
Лелить со всеми горести
И, цену зная гордости,
Не плесневеть душой.
И чтоб на высшей скорости,
Минуя бред и пропasti,

Вас мчали бы не плоскости,
А слово «хорошо».
Но трезвый — ухмыляется,
Но пьяный — похмеляется,
Но малый — удивляется
И пальцем: мол, того...
Тирада кувыркается,
Слова не прививаются,
Ярило улыбается
И большие ничего.

Метаморфоза

Раньше как? Увидишь друга,
Стишень в пальцах пиджачок:
— Черт возьми, какая выюга!
Приходи на коньчик?
Нынче речь совсем иная,
Встретишь друга — взгляд вбочок:
— Время, сам же понимаешь...
Захеди, найду «бычок».

Наш автобус летел на закат
В золотое раскошное пламя.
Мчалась бешено местность назад
И дорога шипела под нами.
Перелески врывались в глаза
И мгновенно вдали пропадали.
Мне казалось, у нас тормоза
Перед рейсом еще отказали.
А еще мне казалось порой,
Что летит в нем не сонных орава
Под ансамблей и грохот, и вой,
А сама голубая держава.
Но последняя все же верста
Эту гонку вконец укротила.
Наш ковчег переполненный стал,
О, какая нас тишина оглушила!
Кто-то с плачем кого-то встречал
И кого-то домой уводили.
Куролесил вокзальный причал
И колеса в себя приходили.
Ну, а некто в сторонке скорбел,
Провожая счастливцев глазами.
За поселком само по себе
Дотлевало закатное пламя.

О. В. Волкову

Есть писатели, есть маратели,
Землескребы есть, есть копатели.
Тот над грядкой неделю бьется,
Тот в тридевятне — полколодца...
Огородный, как все, ясак я
Мозолями плачу весною,
Но ночами сверх нормы всякой
Свой колодец упорно рою.
Тяжко рыть. Самому водицы
Пусть попробовать не придется,
Но надежда в душе таится:
Кто-то все же ее напьется.
А, напившись, тот самый кто-то
Отдохнуть на траве приляжет
И слова за мою работу
Очень добрые, может, скажет.

Пейзажное

Месяц козликом рожки топорщит,
Звезды просом в сугробы текут.
Тишина. Лишь писатели мощи
Над столами старательно гнут.
Да собаки с тоски завывают
По далеким и теплым краям.
И лежит, от трудов отдыхая,
Воровская держава моя.

Стужа

Отрыдали давно журавли,
Отлестали сторожкие утки.
Отсвистав опустелость земли,
Ветер воет бурально и жутко.
В поле зайца следа не видать,
В тальниках затаились лисицы.
Только зябликов пестрая рать
В чернобыльник летит подкормиться.
Бесприютно кругом и бело.
И, как стужи свирепой виновник,
У дороги, ведущей в село,
Одинокий краснеет шиповник.

Второй разговор с Сергеем Чекмаревым

Прости, Сергей, что я опять
Стучусь в юдоль сосновую:
Мне не дает спокойно спать
Судьба твоя бедовая.
Я дневники твои прочел
В пыльце апологетики
И лучше вижу, что почем,
Начала вижу цветики.
Ты скотокрадов бичевал,
Хлестал по харям истово.
О, как ты яро воевал
За дали наши чистые!
Ты так хотел, чтоб гадов клан
От строк твоих скужился,
Но он, прощеньем нашим пьян,
Четырежды размножился.
Его гаденыши шуршат,
Ползут иными гадами—
Из скотокрадов стали, брат,
Совсем державокрадами.
Я потому, Сергей, боюсь,—
Они ж в своем старании
Сожрут, растищат нашу Русь,
Оставят лишь название...
И слышу я сквозь шелест трав,
Сквозь лет жестоких марево;
«Один народ всегда лишь прав.
Отправьте их в терраrium».

Мне однажды цыганка гадала.
На ладонь с недоверием косясь:
— У тебя,— говорила мне,— малый,
С мирозданьем есть добрая связь.
И когда тебе плохо бывает,
Когда слышишь ты вопли души,
К тебе ангелы тихо слетают,
К тебе космос на помощь спешит...
Ах, цыганка! Мне мудрость изгибов
На ладони железной моей
Не доступна, и все же спасибо
За намеков лукавый елей.
Ну, а если всевышняя сила
В самом деле нисходит ко мне?
Знаю, в образе тех, что любил я

И считал своим светом в окне;
Для которых ни слова, ни сердца
Никогда, отродясь, не жалел
И на струнах души свое скерцо
В утешенье играл, как умел.
Ах, цыганка! Все правильно, значит,
Твой угад, словно мартовский гром.
Ну, а разве могло быть иначе?
За добро-то и платят добром

Вы видели когда-нибудь народ
С военного ракетного завода?
Он как себя на улице ведет,
Когда завода покидает своды?
А я видал. Простые мужики,
Как я и ты. Но все же откровенно:
У них в гечаль закутаны зрачки
И в разговоре властвует степенность.
Ну, а еще смеются—иногда
И кто-то редко что-то напевает.
Но их понять не надобно труда:
Как не крути, работа гробовая...

Б. Шестерикову.

Сейчас чувствительность не в моде,
Ее сменил сплошной хамеж.
Тряхнешь восторгом при народе
И вон уж каркают: «Балдеж!»
И смотрят, словно на придурка,
Которому весельчаки
Приkleят могут полокурка,
Как к стенке, к плоскости щеки.
А мы давай-ка плюнем густо
На опустившуюся рать
И будем, как и прежде, о грустью
Стихи хорошие читать.
И восторгаться всем, что умно,
Что погранично с красотой,
И отметать к чертям заумность,
И вслед идти за простотой.
И пусть однажды в ретрограды
Зачислят нас—не пропадем:
С нас кличку эту смоет радость
Весенним ласковым дождем,
Наветы смоет, вручит слово,

Злу вопреки благословит...
Ты слышишь, как та рать нам снова
Ярлык приклепть норовит?

Мне порой иные доброхоты
То ль в упрек талдычат, то ли в лесть:
«У тебя есенинское что-то
В стихотворстве, понимаешь, есть».
Я сердусь на это, но не очень:
— Вам, друзья, виднее. Может быть.
Мне же мои, ну и Сергея строчки
Просто нету времени сравнить.
Впрочем, чтобы родственность понятна
Наша с ним вам стала, чудаки,
Я скажу — и это так приятно! —
Мы же родом, милые, с Оки.

Кто везде — тот нигде.

Сенека.

Ко мне, еще не старому,
Но близкому с недугами,
Пришло однажды карою
Воспоминаний пугало.
Со стула сбросив томики
Жигулина и Бродского,
Оно уселось к столику
С ухмылкой идиотскою.
— Ну что, — гогочет, — маешься?
Строгаешь строк штакетины?
С судьбой все так же лаешься,
Дивясь ее отметинам?
Хотел ты много, лапушка,
Да вот случилось вещее:
Как пушкинская бабушка
Ты у корыта с трещиной.
Себя не надо было бы
Расхристывать на многое,
Не оступаясь в выдолбы,
Идти одной дорогою.
Я выслушал внимательно,
И возразил я гугалу:
— А знаешь, заниматально
Послушать речь без ругани.
Я в самом деле всякого
На зуб и слух попробовал,

Я не был только дьяконом,
«Спаси» не пел утробово.
Да, сто дорог исхожено
Подземных и под солнышком,
Я мудрость не расхожую
Копил на них по зернышку.
Копил слова я дивные,
Ну а еще забытые.
Отмыл я их под ливнями—
Все стали самовитыми.
Я в песни вплел их хриплые,
Как ленты в косы девичьи,
И вот из гула выплыли
Они ко мне доверчиво.
Плывите же раскованно
В людскую память надолго.
Мне миром все даровано,
Мне ничего не надоно.
А ты, шальное пугало,
Вставай, не стоит щуриться.
И, двери выбив, турманом
Оно летит на улицу...

Письмо тебе из гостиницы города Н.

Сейчас ты, наверно,
дела завершив,
лежишь на диване
устало
и смотришь, как встер
травою шуршит
и к займке лезет
облава—
по телику фильм...
Ну, а я за столом,
из номера вышвырнув
скуку,
сижу и стараюсь
о сем и о том
поведать
на скорую руку.
Я долго по городу
нынче бродил,
толкался в народе
непраздном.
И знаешь, что нюхом
своим уловил?
Все пахнет

тоской и сарказмом.
Тут люди куда-то
ко улицам мчат
покрытым
плевками и сажей,
как будто случилась...
тому, может, час
бесценная где-то
пропажа.
И каждый пропавшее
хочет обрести,
но мечется
явно напрасно:
на лицах нахисаны
злоба и спесь,
в глазах доцветает
фиаско.
А сколько тут разных
нелепых контор!
Мне кажется даже,
что скоро
страна наша станет,
начав на позор,
сплошною волючей
конторой.
Тут лезут служить,
но не созидать.
Все это меня
натолкнуло на сущность,
похожи на шаре
земном города
на тот на лишай
на стригущий.
Стригут они все:
и леса, и луга,
стригут
беспощадно-лениво,
и нету от этого
злого врага
спасенья
желтеющей ниве.
Прости, что иного
не смог увидеть,
шатаясь средь серых
коробок.
Мне хочется очень
скорее удрать
от каменных
пошлых уловок,
О, как мне желанны
наш домик и сад
под вольным

сиреневым небом!
Так ты помоли,
чтоб скорее назад
Вернулся я,
вычеркнув небыль.

Горькое

Для дураков стихи не пишутся,
Для умных пишутся они.
Но ты притихни и услышатся
Слова, что произносят дни:
Война и Сталин умных кокнули,
Нам счета стигнувшим не знать...
Так что ж теперь, залезем в коконы
И замолчим? И не писать?
Прости, народ, снобизм отчаянный,
Я лозунг чту один пока:
Пиши, поэт, но не случайное
И делай умным дурака.

Уличный этюд

На скрещенье улиц
Кирова и Гоголя
девочка стояла
длинноногая,
на прохожих
из-под челки стриженней
до чего ж смотрела
разбиженно!—
будто люди эти
растеклятые
милого ее
запрятали.
Зябкая,
стояла в дымке
снеговой,
а его все
не было, и не было...
Шел я мимо,
вздумал: «Не порыться ли
мне в быту
средневековых рыцарей?
...Ах, какие
времена изящные
были у любви
и настоящие!
Были женщины

такие гордые
все им кланялись—
в общине, в городе.
И мужчины
не считались мямлями,
но, влюбившись,
так жестоко маялись!
Чтобы быть
замечеными доннами,
окедневно пели
под балконами,
в стынь ангиной
мучились, катарами,
но стояли, бедные,
с гитарами.

А теперь?..
На Кирова и Гоголя
девочка маячит
длинноногая.
Где ж идальго
не с гитарой,
не со скрипкою,
ну хотя бы
с виноватою улыбкою?
Нет его.
Пестреет вечер
лицами.
Знать, не стало
в наше время
рыцарей.

Я давно не просыпался
в детском праздничном блаженстве,
но сегодня это чудо
повторилось, снизошло.
Солнце вкатывалось в окна,
мир казался совершенством,
встуки орали хором
на подворьях — Хорошо!
В доме пахло чрным тестом,
Гусью, хлопотами, дымом,
изрекал веселый телек
полосатые слова.
За стеклами звенело что-то
с переливами и длинно,
гедра звякали, а в печке
гулко щелкали дрова.
Мне почудилось спросонок:

нынче Пасхи день, наверно,
и слова нарядной мамы
вот сейчас ко мне вплывут:
— Ты сходи в овраг, сыночек,
там уже разбилась верба,
принеси пяточек веток,
пусть они у нас живут...
Детских лет очарование!
Сказка, сказанная раз лишь!
Я забыл за полудремой,
что давно уж мамы нет,
что остался праздник Пасхи
иу в Евангелии разве,
я забыл, что я не отрок
а давным-давно уж сед.
Кто же мне такое утро
подарил, не обещая,
кто вернул мгновенье счастья
из лозоревых тех лет?
Намять? Случай? Иль другое?
Не очи, а ты, родная,
и цены—без суесловья—
твоему подарку нет.

■

Ах, период застойный,
Не житье—благодать!
От села и до столной
Можно всем воровать.
Можно с харей невинной
Госбюджет потрошить
И пейзажик целинный
Чем угодно травить.
Можно БАМик отгрехать—
В никуда магистраль
И спокойно угрожать
Приаральскую даль.
Бессловесную Лену
И смурной Енисей
Удавить постепенно,
Можно сразу, совсем.
Можно дворик монетный
Обвязать—обязать
Ордена многолетно
Идиотам клепать.
Можно плонуть изящно
На огромный народ,
Идеолог смердящий
Тот плевочек сотрет.

Ах, период застойный,
Как чекушка простой,
Все кончалось застольем,
Трын-травой золотой.
Мы от тех от застолий
Будем долго икать
И помои застоя
Лет пятнадцать хлебать.

На лицо твое гляжу все пристальней
И потрогать тянется рука
Мудрых глаз синеющие выстрелы
И следы от жизни кипятка.

1990-й

Приду домой,
газет армаду
прочту, но все же
не повешусь,—
порнографической ламбадой
и ревом роковым утешусь.

Сумеречные стихи

С сосен судорожь снов
Смутно стекает в снег.
Словно сумятица слов,
Смолкнул сорочий смех.
Сводит сугробы стынь,
Сыпь светляков в стогах.
Сквозь стеклянную синь
Сутемью сходит страх.
Светы скучных светил,
Серые свечи столбов,
Стелятся в сумрак степи
Санные стлани следов..

Дорожная песенка

В зеркале заднего вида — виды, виды...
Степь, устало пахмурясь, отходит ко спну.
Ветер тянет свою за стеклом ханихиду,
А зачем? И по ком? По себе самому?

Я—бывалый шофер,
я дорогу, как азбуку знаю,
Пусть она обернется
тропой в преисподнюю, пусть,
Я дорога тебя
на колеса, как нить намотаю
И к сынишке домой,
пусть под утро, вернусь.
Он проснется и скажет
веселое: «Папа!»,
Он ручонками шею
мою обовьет.
Он тоску по его
мягким ласковым лапам
По отцовскому взгляду,
конечно, поймет.
Он, конечно, поймет.
Быть иначе не может.
Он хорошее что-то
начнет лепетать.
Он поймет, что всего
в этом мире дороже—
Ведь мужчины обязаны
все понимать.

Стихи скептические

Модернизируем поэзию,
Неимоверно усложняем,
То в строчку вдруг искрошим лезвие,
То ахинеи напихаем.
Давно пресыщенные опытом,
Перед иным теряясь веком,
Пером скребем как бы для роботов,
Но только не для человека.
А мне все кажется: количество
Пусть даже циников удвоится,
Опустошенного величества
Громилы пусть семья устроится,
В конце концов пускай расхристанной
Треть человечества окажется,
Я верю: песенка та выстоит,
В которой простенько скажется,
Такое, знаете, ну... самое
Заветное и человечное,
Как спетое когда-то мамою,
Что было, есть и будет—вечное.

Кустанай

Привет тебе, в поля распахнутый,
Ну и в года.
Стою на площади и ахаю,
Скажи, когда
Судьба твоя так ярко вспыхнула,
Трот заря?
Ты из подростков в мужа вымахал,
В ботатыря.
Счастливый сын счастливой Родины,
С лица чуть строг,
Стонишь и слушаешь мелодии
Ста трех ветров,
Напевы вовсе не былинные
О дальних днях.
А наши близкие, целинные
О ширь-хлебах.
Привет тебе, в поля шагнувшему,
Как дождик в рожь.
Жизни и славу не минувшему—
Для внуков множь.

Вокзальные воробы

От стужи спасаясь от ярой,
В слегка приоткрытую дверь
Однажды иззябшею парой
Влетели они и теперь
Живут, как мечталось им редко:
Теклынь и для сна этажи,
И в уриах достаток объездов...
Сточная малина—не жизнь!
И все же, уставши мотаться,
Транзитный разглядывать люд,
Они на перила садятся,
О чем-то беседы ведут,
Чижают, видно, о воле,
Где твердо была бы своя
В заструхе иная бы доля,
А, значит, была бы семья.
Но нет ни того, ни другого.
И мнится сквозь возгласы лень,
Клинут они счастья убогость
И тот опрометчивый день,
Когда их сюда поманила
Открытость тяжелой двери
И синее небо сменила
На урны и холод перил.
Придет свои солнышко нитки,

Стекает по кленам тепло,
Но вырваться к свету погытки
В проклятое боятся стекло...

Стихи иронические

Кто-то Рубика кубик крутит,
Глупо рубит досуга сук,
Я ж в глазах до цветастой муты
Ношу будней свою несу.
Нету роздыха. Потом тянет
Как от мерина в сивый цвет.
В небо некогда толком глянуть—
Двадцать пятого часа нет.
Но на жизнь не в обиде в общем,
Вот с делами подзакруглюсь.
Лягу навзинчъ в недальней роще,
В мироздание нагляжуся...

Весну люблю не за листву,
Что грянет вдруг зеленым дымом
На тополя в рассветье синем.
Нет, нет. Совсем не за листву.
Весну люблю за чувств разлив,
За мощь, игру и волю в теле,
Когда от зимних дней изныв,
В любом себя изводишь деле.
О, как желанны молоток,
Топор, ножовка и логата!
И хватка бьет тебя, как ток,
Приобретенная когда-то.
О, как же дух земли богат!
А день! Он будто с медом соты.
И льется, льется аромат
От рук и от самой работы...

■

Содержание

«Ах, критик сутулый...»	3
«Ты знаешь что...»	3
Веселый случай	4
«Лукает в осиннике сквозняк...»	4
«Пойдем-ка сходим за окопицу...»	4
«Веточка осенняя осины...»	5
«Вечер словно вишня...»	5
«Час нейтральный. Тишина»	6
Гроза	6
«Почему-то все болом...»	7
«Глухо. Сиро. И серо.»	8
Адреса	8
«Люблю в рождественские сумерки...»	9
«Лимон луны во тьме висел...»	9
«Отчего так поезда грохочут...»	10
«Это прямо наважденье...»	10
Расстрел	11
«За Жаркеном бездымно пылают леса...»	13
«Фетовская ласковая ночь...»	13
«Я никогда не видел моря...»	13
«Давай отпразднуем Викторию?»	14
«А вождь бывал гостеприимным...»	14
Черная речка	15
Омшаник	16
«Приплетусь домой с работы...»	18
«Ах, вы, чудо-свиристели...»	19
«Новая волна»	19
«И гнет хандра, и жжет отчаянье...»	20
Попытка завещания	20
Покаянное	21
«Гляжу на окна на больничные...»	21
Окраина	22
«Стесняясь армады софитов...»	23
«В теплом небе голуби купаются...»	24
Письмо девушки, решившей стать поэтессой	25
«Со двора вошла и зябко...»	25
«У охотников жены...»	26
«Который день не пишется, не синтез...»	26
Оттепель	27
«Уходят из сада...»	27
«Еще не крах—утерян кошелек...»	28
«Есть живущие, есть жующие...»	28
«Тропою в темень брошенной...»	28
«Доживает последние дни...»	28
«Сонным садом проходя...»	29
Караси (из цикла)	29
Урок чтения (из цикла)	30
Стрелковый всеобуч (из цикла)	32

Победитель (из цикла)	32
Про картошку (из цикла)	33
Оратай (из цикла)	34
Про коня	34
Декабрь	35
«Двадцать нас на стане...»	36
«А знаешь ты, мой друг...»	36
«Зацветает» в июле вода...»	37
«Листки календаря...»	37
«Не обольщаюсь, уповая...»	38
«О, как мучительно светает...»	39
«За Сергеевкой...»	39
Райцентр	40
«Я двадцать лет хожу в певцах...»	41
Последняя афганская песня	41
Пирамида	42
«Я запомнил тот день похоронный...»	43
«Ах, когда я юным был...»	43
О ревности	44
Подпольные песни	44
«Где-то мальчик в ночи...»	45
Николай Рубцов	45
«Хороши сергеевские зори...»	46
«Умирая, не морошки...»	46
Мерзавцу сталинской поры	47
Родное	47
«Вы страстно чтите чин и звание...»	48
Прощанье	48
Разговор с Сергеем Чекмаревым	49
Хорошее утро	49
Криквы	50
«А хапуг и подлецов прощать...»	50
«Что с тобой случилось, Родина...»	50
Доля	51
«Чем больше зёков, тем меньше леса»	52
Высоцкий	52
Борису Рубашкину	53
«Ха-ха! — сказала мне она...»	53
Лад	53
«Отцвели глаза твои и губы...»	54
«Ночь чернилится вокруг...»	54
Любовь и уголь (поэма)	55
Гостья (поэма)	65
Ак-бидай	74
«Ни медалям не верю, ни грамотам...»	78
Нинка	79
Ночное купание	79
В Михайловском	80
Памяти бабушки	82
Войны не глохнувшее эхо (триптих)	83

Саша Аккерт, слухи бродят...»	85
Год	86
Мой поселок степной	86
Стихи веселые	87
Памяти Виктора Литвинова	87
Стихи о белой лошади	88
Не цвети ты, акация...»	88
И начинаю прозревать...»	89
Бонапат	89
Есть три святыни...»	90
Представьте, стал я стареньkim...»	90
Метаморфоза	91
Наш автобус летел на закат...»	91
Есть писатели, есть маратели...»	92
Нейзакине	92
Стужа	92
Второй разговор с Сергеем Чекмаревым	93
Мне однажды пыганица гадала...»	93
Ты видел когда-нибудь парод...»	94
Сейчас чувствительность не в моде...»	94
Мне порой нивые доброхоты...»	95
Ко мне, еще не старому...»	95
Письмо тебе	96
Горькое	98
Уличный этюд	98
Я давно не просыпался...»	99
...х, период застойный...»	100
На лицо твое гляжу...»	101
1990-й	101
Леттерные стихи	101
Дорожная песенка	101
Стихи скептические	103
Густанай	103
Фокальные ворзбы	103
Стихи иронические	104
Вечну люблю не за листву...»	104

Родившись на Орловщине, Юрий Поляков вот уже более тридцати лет живет на земле Северного Казахстана. По душевному складу он лирик, но в последние годы в его творчестве все ощутимее звучат гражданственные, остросоциальные темы.

«Горький ветер» — вторая книга автора.

**ПОЛЯКОВ
Юрий Петрович**

**Редактор В. Синенко
Корректор С. Белоусова**

Оформление художника В. Манзи.

Сдано в набор 25.04.91. Подписано в печать 4.05.91. Формат 120x90. Бумага печ. № 2. Гарнитура ново-газ. Заказ № 145 уч.-изд. л 7,6, Цена 2 рубля 97 копеек.

Отпечатано в Тимирязевской типографии Северо-Казахстанского ПО «Полиграфия».